

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

Уникальный анализ военных кампаний
величайшего полководца в истории человечества,
проведенный им самим.

Об операциях в Италии, Германии,
Египте и Сирии – в одном томе
с иллюстрациями.

Наполеон Бонапарт
Военное искусство. Опыт
величайшего полководца
Серия «Большая
военная энциклопедия»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39851968

*Военное искусство. Опыт величайшего полководца: Яуза-пресс; М.;
2019*

ISBN 978-5-9955-1012-3

Аннотация

Вряд ли можно вспомнить другую историческую личность, которая на протяжении двух столетий так интриговала бы всех мыслящих людей, как Наполеон Бонапарт (1769–1821). Не случайны слова Пушкина: «Мы все глядим в Наполеоны...» Богатое наследие императора оказало существенное влияние на развитие военного искусства. На острове Святой Елены Наполеон продиктовал воспоминания о своем первом выигранном сражении – осаде Тулона, о триумфальной Итальянской кампании, Египетском походе и легендарной битве при Маренго, в которой он сумел победить, когда уже был близок к поражению.

Эта книга – поистине уникальный анализ военных кампаний величайшего полководца в истории человечества, проведенный им самим. Преобразователь Европы, военный реформатор, гений стратегии и тактики, кумир и враг миллионов – вот автор и главный герой этой книги, оставивший потомкам свои УРОКИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА. Издание богато иллюстрировано картами, схемами, графическими и живописными произведениями.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Осада Тулона	6
Очерк операций Итальянской армии в 1792, 1793, 1794 и 1795 гг	54
Итальянская кампания	107
Глава I	107
Глава II	114
Глава III	148
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Наполеон Бонапарт
Военное искусство. Опыт
величайшего полководца

© ООО «Яуза-пресс», 2019

Осада Тулона

Август – декабрь 1793 г

I. Эскадра, арсенал и город Тулон передаются англичанам (27 августа 1793 г.). – II. Обложение Тулона французскими войсками. – III. Наполеон принимает командование над осадной артиллерией (12 сентября). – IV. Первая вылазка гарнизона (14 октября). – V. Военный совет (15 октября). – VI. Постройка укрепления против форта Мюрgrav, прозванного «Малый Гибралтар». – VII. Главнокомандующий О'Хара попадает в плен (30 ноября). – VIII. Взятие итурмом форта Мюрgrav (17 декабря). – IX. Вступление французов в Тулон (18 декабря).

I

22 августа в Тулоне узнали о вступлении Карто в Экс. Это известие вывело из себя секции. Они арестовали и посадили в форт Ламольг народных представителей Бейля и Бовэ, командированных в город. Народные представители Фрерон, Баррас и генерал Лапуап ускользнули в Ниццу, главную квартиру Итальянской армии. Все тулонские власти бы-

ли скомпрометированы. Муниципалитет, совет департамента, комендант порта, большинство чиновников арсенала, вице-адмирал Трогофф – начальник эскадры, большая часть офицеров – все чувствовали себя одинаково виновными. Сознывая, с каким противником они имеют дело, они не нашли иного спасения, кроме измены. Эскадру, порт, арсенал, город, форты они сдали врагам Франции. Эскадра силою в 18 линейных кораблей и несколько фрегатов стояла на якоре на рейде. Несмотря на измену своего адмирала, она осталась верна отечеству и начала защищаться от англо-испанского флота, но, лишённая поддержки с суши и под угрозой своих же береговых батарей, обязанных ей помогать, она принуждена была сдаться. Контр-адмирал Сен-Жюльен и несколько оставшихся верными офицеров едва успели спастись.

Эскадра, точно так же как 13 линейных кораблей, находившихся в доке, и арсенальные склады с большими запасами сделались добычей неприятеля.

Английский и испанский адмиралы заняли Тулон с 5000 человек, которые были выделены из судовых команд, подняли белое знамя и вступили во владение городом от имени Бурбонов. Затем к ним прибыли испанцы, неаполитанцы, пьемонтцы и войска с Гибралтара. К концу сентября в гарнизоне находилось 14 000 человек: 3000 англичан, 4000 неаполитанцев, 2000 сардинцев и 5000 испанцев. Союзники разоружили тогда тулонскую национальную гвардию, которая казалась им ненадежной, и распустили судовые коман-

ды французской эскадры. 5000 матросов – бретонцев и нормандцев, – причинявших им особое беспокойство, были посажены на четыре французских линейных корабля, превращенных в транспорты, и отправлены в Рошфор и Брест. Адмирал Худ почувствовал необходимость, чтобы обеспечить себе стоянку на рейдах, укрепить высоты мыса Брен, господствовавшие над береговой батареей того же имени, и вершины мыса Кэр, господствовавшие над батареями Эгильетт и Балагье, с которых простреливались большой и малый рейды. Гарнизон был размещен в одну сторону до Сен-Назера и Олиульских теснин включительно, в другую – до Ла-Валетты и Иера. Все береговые батареи от Бандольских до батарей Иерского рейда были разрушены. Иерские острова были заняты противником.

II

Узнав о вступлении англичан в Тулон, генерал Карто тотчас же перенес свою главную квартиру в Кюж. Авангард продвинулся до Боссэ, а передовые посты расположились у тулонских проходов. Население обоих городков стало под ружье и выказало большое усердие. Численность дивизии Карто составляла 12 000 человек хороших и плохих солдат, из которых 4000 пришлось разместить в Марселе и в различных пунктах побережья. С 8000, оставшимися у него, Карто не осмелился двинуться через горные проходы и ограни-

чился только наблюдением за ними. Но народные представители Фрерон и Баррас, прибывшие в Ниццу, потребовали у генерала Брюне, командующего Итальянской армией, 6000 человек для посылки против Тулона. Генерал Лапуап, которому поручили командование ими, расположил свою главную квартиру в Солье, а передовые посты – в Ла-Валетте. Между дивизиями Карто и Лапуапа не было никаких коммуникаций. Они разделялись горами Фарон. Узнав о подходе Лапуапа, Карто атаковал Олиульские теснины, овладел ими 8 сентября после боя, длившегося несколько часов, и продвинул свою главную квартиру в Боссэ, а передовые посты – за Олиульские теснины. В этой схватке был тяжело ранен выдающийся офицер, начальник артиллерии майор Доммартен. Дивизии Карто и Лапуапа были независимы друг от друга. Они принадлежали к двум различным армиям: первая к армии Альпийской, вторая – к Итальянской. Правый фланг Лапуапа наблюдал за фортом и горою Фарон, центр господствовал над шоссе из Ла-Валетты, а левый фланг наблюдал за высотами мыса Брен. Форт Брегансон и батареи Иерского рейда снова были вооружены Лапуапом. Карто своим левым флангом обложил форт Поме, центром – редуты Руж и Блан, правым флангом – форт Мальбоске. Его резерв занял Олиуль; один отряд находился в Сифуре. Карто восстановил также батареи Сен-Назер и Бандоль. Противник по-прежнему владел всей горой Фарон до форта Мальбоске, всем Саблеттским полуостровом и мысом Кэр до деревни Сена.

III

Измена, отдавшая англичанам флот Средиземного моря, город Тулон и его арсенал, потрясла Конвент. Он назначил генерала Карто главнокомандующим осадной армией. Комитет общественного спасения потребовал указать артиллерийского офицера старой службы, способного руководить осадной артиллерией. В качестве такого офицера был назван Наполеон, в то время майор артиллерии. Он получил приказ срочно отправиться в Тулон, в главную квартиру армии, для организации артиллерийского парка и командования им. 12 сентября он прибыл в Боссэ, представился генералу Карто и скоро заметил его неспособность. Из полковника – командира небольшой, направленной против федералистов колонны – этот офицер на протяжении трех месяцев успел сделаться бригадным генералом, затем дивизионным генералом и, наконец, главнокомандующим. Он ничего не понимал ни в крепостях, ни в осадном деле.

Наполеон Бонапарт на демонстрации в Париже 20 июня 1792 г. Художник Жоб (Ж. Онфруа де Бревиль)

Артиллерия армии состояла из двух полевых батарей под командой капитана Сюньи, только что прибывшего из Итальянской армии вместе с генералом Лапуапом, из трех батарей конной артиллерии под командой майора Доммартена, отсутствовавшего после раны, полученной в бою под Олиулем (вместо него в ту пору всем руководили артиллерийские сержанты старой службы), и из восьми 24-фунтовых пушек, взятых из марсельского арсенала. В течение 24 дней – с

тех пор как Тулон находился во власти противника – ничего еще не было сделано для организации осадного парка. На рассвете 13 сентября главнокомандующий повел Наполеона на батарею, которую он выставил для того, чтобы сжечь английскую эскадру. Эта батарея была расположена у выхода из Олиульских теснин на небольшой высоте, несколько правее шоссе, в 2000 туазах¹ от морского берега. На ней было восемь 24-фунтовых пушек, которые, по его мнению, должны были сжечь эскадру, стоявшую на якоре в 400 туазах от берега, т. е. в целом лье² от батареи. Гренадеры Бургундии и первого батальона Кот-д’Ора, разойдясь по соседним домам, были заняты разогреванием ядер при помощи кухонных мехов. Трудно представить себе что-нибудь более смешное.

Наполеон приказал убрать в парк эти восемь 24-фунтовых орудий. Им были приняты все меры для того, чтобы организовать артиллерию, и менее чем в шесть недель он собрал 100 орудий большого калибра – дальнобойных мортир и 24-фунтовых пушек, в изобилии снабженных снарядами. Он организовал мастерские и пригласил на службу нескольких артиллерийских офицеров, ушедших с нее вследствие революционных событий. Между ними был и майор Гассенди, которого Наполеон назначил начальником марсельского арсенала. На самом берегу моря Наполеоном были построены две батареи, названные батареями Горы и Санкюлотов,

¹ Туаз – старинная французская мера длины, примерно 2 м.

² В конце XVIII в. парижское лье было равно 3,9 км, почтовое – 4,7 км.

что после оживленной канонады вынудило корабли противника удалиться и очистить малый рейд. В этот начальный период в осадной армии не было ни одного инженерного офицера. Наполеон должен был действовать и за начальника инженерной службы, и за начальника артиллерии, и за командира парка. Каждый день он отправлялся на батареи.

IV

14 октября осажденные в числе 4000 человек сделали вылазку с целью овладеть батареями Горы и Санкюлотов, беспокоевшими их эскадры. Одна колонна прошла через форт Мальбоске и заняла позицию на полдороге от Мальбоске к Олиулю. Другая шла вдоль морского берега и направлялась на мыс Брега, где были расположены эти батареи. Когда был открыт огонь, Наполеон поспешил на передовые позиции вместе с Альмейрасом, адъютантом Карто, прекрасным офицером, впоследствии дивизионным генералом. Он уже успел внушить войскам такое доверие, что как только они его увидели, солдаты стали единодушно и громко требовать от него приказаний. Таким образом, по воле солдат он стал командовать, хотя при этом присутствовали генералы. Результаты оправдали доверие армии. Противник сначала был остановлен, а затем отброшен к крепости. Батареи были спасены. С этого момента Наполеон понял, что представляют собой коалиционные войска. Неаполитанцы, составлявшие часть этих

войск, были плохи, и их всегда назначали в авангард.

На восточной стороне, у Лапуапа, происходили ежедневные стычки с постами противника, расположенными на обращенных к нему склонах Фарона. 1 октября он их оттеснил, взошел на гору, но был остановлен фортом, а спустя несколько часов отброшен назад и вынужден вернуться в лагерь. 15 октября он оказался более счастливым и, атаковав высоту мыса Брен, после ожесточенной схватки овладел ею.

Офицеры республиканской армии в 1793–1794 гг.: упол-

номоченный народный представитель, адъютант, генерал, морской офицер, военный комиссар. *Художник Р. Кнётель*

V

В конце сентября в Олиуле собрался военный совет для решения вопроса, с какой стороны вести главную атаку – с восточной или с западной? С местности, занимаемой дивизией Лапуапа, или оттуда, где стоит дивизия Карто? Было высказано единодушное мнение, что следует атаковать с запада и главный осадный парк сосредоточить в Олиуле. С восточной стороны Тулон прикрыт фортами Фарон и Ла-Мальг, с западной же стороны находился только один форт Мальбоске, представлявший собой лишь простое полевое укрепление. Вторично совет заседал 15 октября. На нем обсуждался присланный из Парижа план осады. Его составил генерал д'Арсон и одобрил инженерный комитет. В плане предполагалось, что армия состоит из 60 000 человек и имеет в изобилии всю необходимую материальную часть. В нем выражалось пожелание, чтобы осадная армия сначала овладела горою и фортом Фарон, фортами Руж и Блан, фортом Сент-Катрин, а затем заложила траншеи напротив середины обвода тулонской крепости, пренебрегая как фортом Ла-Мальг, так и фортом Мальбоске. Но форт Фарон был сильно укреплен противником, а окружающая местность была такова, что строить траншеи здесь было нелегко. Впрочем, при таком

способе действий операции затянулись бы само собой, дав осажденным время подтянуть подкрепления, которых они только и ожидали, чтобы заставить снять осаду и захватить Прованс.

Наполеон предложил совершенно иной план. Он выдвинул тезис, что, если блокировать Тулон с моря таким же образом, как с суши, крепость падет сама собой, ибо противнику выгоднее сжечь склады, разрушить арсенал, взорвать док и, забрав 31 французский военный корабль, очистить город, чем запереть в нем 15-тысячный гарнизон, обрекая его, рано или поздно, на капитуляцию, причем, чтобы добиться почетной капитуляции, этот гарнизон будет вынужден сдать невредимыми эскадру, арсенал, склады и все укрепления. Между тем, принудив эскадру очистить большой и малый рейды, блокировать Тулон с моря – легко. Для этого было бы достаточно выставить две батареи: одну батарею из тридцати 36- и 24-фунтовых пушек, четырех 16-фунтовых орудий, стреляющих калеными ядрами, и десяти мортир системы Гомер на оконечности мыса Эгильетт, а другую, такой же силы, – на мысе Балагье. Обе эти батареи будут отстоять от большой башни не далее как на 700 туазов и смогут обстреливать бомбами, гранатами и ядрами всю площадь большого и малого рейдов. Генерал Мареско, в то время капитан инженерных войск, прибывший для командования этим родом оружия, не разделял подобных надежд, однако изгнание английского флота и блокаду Тулона он находил вполне

уместными, видя в этом необходимые предпосылки быстрого и энергичного ведения атак.

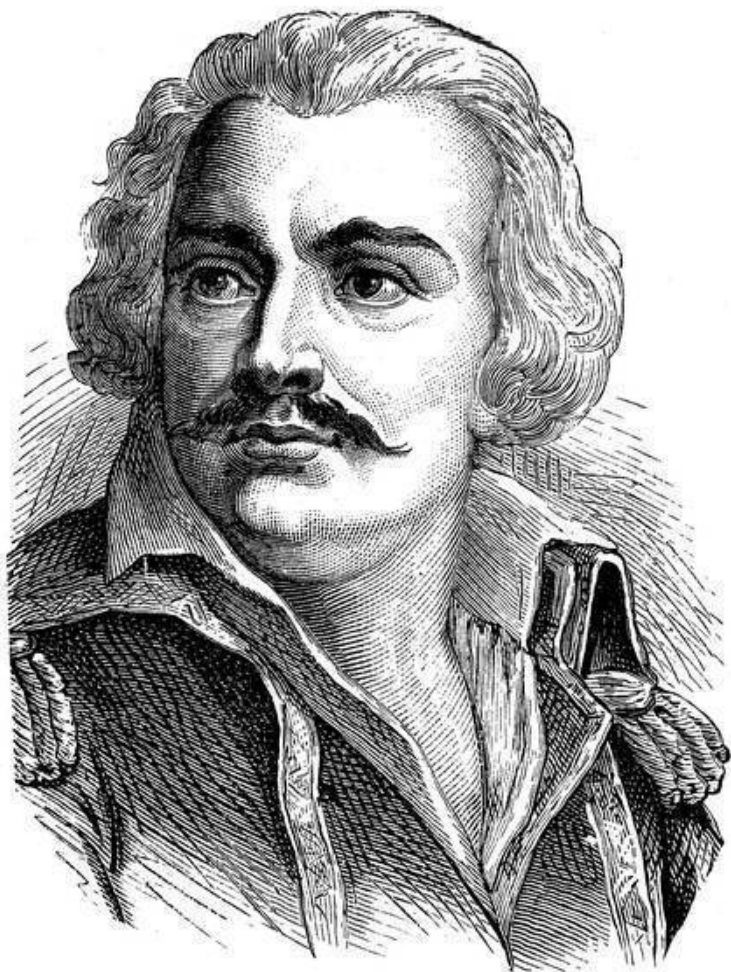
Но значение мыса Балагье и мыса Эгильетт поняли и генералы противника. Уже в течение месяца они вели работы в форту Мюрgrav на вершине мыса Кэр; чтобы сделать его неприступным, они пустили в ход все: экипажи судов, лесные материалы и рабочие руки тулонского арсенала; они щедро пользовались всеми этими ресурсами и продолжали пользоваться ими каждый день. Этот форт уже оправдывал данное ему англичанами название Малый Гибралтар.

На третий день после прибытия в армию Наполеон посетил кэрскую позицию, не занятую еще противником, и, составив тотчас же свой план действий, отправился к главнокомандующему и предложил ему войти в Тулон через неделю. Для этого требовалось прочно занять позицию на мысе Кэр, чтобы артиллерия могла тотчас же выставить свои батареи на оконечностях мысов Эгильетт и Балагье. Генерал Карто не был способен ни понять, ни выполнить этот план, тем не менее он поручил отважному помощнику генерала Лаборду, впоследствии генералу императорской гвардии, отправиться туда с 400 человек. Но через несколько дней противник высадился на берег в числе 4000 человек, отбросил генерала Лаборда и приступил к возведению форта Мюрgrav. В течение первых восьми дней начальник артиллерии не переставал просить о подкреплении для Лаборда, чтобы можно было отбросить противника с этого пункта, но не добился ни-

чего. Карто не считал себя достаточно сильным для удлинения своего правого фланга, или, вернее, он не понимал важности этого. К концу же октября положение вещей сильно изменилось. Нельзя было больше думать о прямой атаке этой позиции. Нужно было ставить хорошие пушечные и мортирные батареи, чтобы смести укрепления и заставить замолчать артиллерию форта. Все эти соображения были приняты военным советом. Начальник артиллерии получил приказание принять все необходимые меры, касающиеся его рода оружия. Он немедленно принялся за работу.

Однако Наполеону ежедневно ставил препятствия невежественный штаб, всячески пытавшийся отвлечь его от выполнения принятого советом плана и требовавший то направить пушки совсем в противоположную сторону, то обстреливать беспечно форты, то сделать попытку забросить несколько снарядов в город, чтобы сжечь пару домов. Однажды главнокомандующий привел его на высоту между фортом Мальбоске и фортами Руж и Блан, предлагая расположить здесь батарею, которая сможет обстреливать их одновременно. Тщетно пытался начальник артиллерии объяснить ему, что осаждающий получит преимущество над осажденным, если расположит против одного форта три или четыре батареи и возьмет его, таким образом, под перекрестный огонь. Он доказывал, что поспешно оборудованные батареи с простыми земляными укрытиями не могут бороться против тщательно сооруженных батарей, имеющих дол-

говременные укрытия, и, наконец, что эта батарея, расположенная между тремя фортами, будет разрушена в четверть часа и вся прислуга на ней будет перебита. Карто, со всей надменностью невежды, настаивал на своем; но, несмотря на всю строгость воинской дисциплины, это приказание осталось неисполненным, так как оно было неисполнимо.

Жан-Франсуа Карто (1751–1813). *Гравюра Э. Тома с оригинала А. Руссо. Из книги «Альбом столетия. Великие люди и великие деяния времен Французской революции (1789–1804)» (Париж, 1889)*

В другой раз этот генерал приказал построить батарею опять-таки на направлении, противоположном направлению общего плана, притом на площадке перед каменной постройкой, так что не оставалось необходимого пространства для отката орудий, а развалины дома могли обрушиться на прислугу. Снова пришлось ослушаться.

На батареях Горы и Санкюлотов сосредоточилось внимание армии и всего юга Франции. Огонь с них велся ужасный. Несколько английских шлюпов было потоплено. С нескольких фрегатов были сбиты мачты. Четыре линейных корабля оказались настолько сильно поврежденными, что пришлось ввести их в док для починки. Главнокомандующий же, воспользовавшись моментом, когда начальник артиллерии отлучился на 24 часа для посещения марсельского арсенала и ускорения отправки некоторых необходимых предметов, приказал эвакуировать эту батарею под предлогом, что на ней гибло много канониров. В 9 часов вечера, когда вернулся Наполеон, эвакуация батареи уже началась. Опять пришлось неповиноваться. В Марселе была одна старая кулеврина, давно служившая предметом любопытства. Штаб армии решил, что сдача Тулона зависит только от этой пушки, что она об-

ладает чудесными свойствами и стреляет по меньшей мере на два лье. Начальник артиллерии убедился, что эта пушка, к тому же чрезвычайно тяжелая, вся перержавела и не может нести службы. Однако пришлось затратить немало сил и средств, извлекая и устанавливая эту рухлядь, из которой сделали лишь несколько выстрелов.

Раздраженный и утомленный этими противоречивыми распоряжениями, Наполеон письменно попросил главнокомандующего ознакомить его с общими предначертаниями, предоставив ему исполнение их в деталях по вверенному ему роду оружия. Карто ответил, что согласно плану, принятому им окончательно, начальнику артиллерии надлежит обстреливать Тулон в продолжение трех дней, после чего главнокомандующий атакует крепость тремя колоннами. По поводу этого странного ответа Наполеон написал доклад народному представителю Гаспарену, изложив все то, что следовало предпринять для овладения городом, то есть повторив сказанное им на военном совете. Гаспарен был умным человеком. Наполеон очень уважал его и многим был обязан ему в течение осады. Гаспарен отослал переданный план с нарочным в Париж, и оттуда с тем же курьером было привезено приказание, чтобы Карто тотчас же покинул осадную армию и отправился в Альпийскую. На его место был назначен генерал Доппе, командовавший армией под Лионом, который был только что взят. Во временное командование вступил генерал Лапуап как старший. 15 ноября он расположил свою

главную квартиру в Олиуле и за несколько дней командования приобрел уважение войск.

VI

Начальник артиллерии выставил девять пушечных и мортирных батарей; две – наиболее мощные – на двух параллельно расположенных холмах, под названием Катр-Мулен и Саблетт, вдали от форта Мюрgrav, для поддержки трех батарей: «Бесстрашные люди», «Патриоты юга» и «Смелые», расположенных в 100 туазах от форта, но не на господствующей высоте. Батареи Брега обстреливали Саблеттский перешеек и Лазаретную бухту. Канонада происходила ежедневно. Ее целью было замедлить работу противника над еще большим усилением Малого Гибралтара. Батареи осаждающих вскоре добились превосходства, и это побудило осажденных сделать вылазку для их уничтожения. Вылазка была произведена 8 ноября против батарей Саблетт и Катр-Мулен. От последней они были оттеснены, но батарея Саблетт была взята и орудия на ней заклепаны.

Главнокомандующий Доппе прибыл к осадной армии 10 ноября. Он был савоец, медик, умнее, чем Карто, но такой же невежда в области военного искусства; это был один из корифеев общества якобинцев, враг всех людей, у которых замечался какой-либо талант. Через несколько дней после его прибытия английская бомба вызвала пожар порохового

погреб на батарее Горы. Находившийся там Наполеон подвергался большой опасности. Было убито несколько канониров. Явившись вечером к главнокомандующему для доклада об этом случае, начальник артиллерии застал его за составлением протокола в целях доказательства, что погреб был подожжен аристократами.

Генерал Бонапарт во время осады Тулона заряжает пушку, как простой солдат. На табличке надпись: «Батарея бесстрашных». *Художник Жоб (Ж. Онфруа де Бревиль)*

На следующий день батальон котдорцев, находившийся в траншеях против форта Мюрграв, взялся за оружие и двинулся на форт, возмущенный дурным обращением испанцев с одним попавшим в плен французским волонтером. За ним направился Бургундский полк. В дело оказалась вовлеченной вся дивизия генерала Брюле. Началась ужасающая канонада и оживленная ружейная перестрелка. Наполеон находился в главной квартире; он отправился к главнокомандующему, но и тот не знал причины всего происходящего. Они поспешили на место происшествия. Было 4 часа дня. По мнению начальника артиллерии, раз вино было откупорено, надо было его выпить. Он считал, что продолжение атаки будет стоить меньше, чем ее прекращение. Генерал разрешил ему принять атакующих под свое командование. Весь мыс был покрыт нашими стрелками, окружившими форт, и начальник артиллерии построил в колонну две гренадерские роты с целью проникнуть туда через теснину, как вдруг главнокомандующий приказал ударить отбой вследствие того, что вблизи от него, но довольно далеко от линии огня, был убит один из его адъютантов. Стрелки, заметив отступление своих и услышав сигнал отбоя, были обескуражены. Атака не удалась. Наполеон с лицом, покрытым кровью от легкой раны в лоб, подъехал к главнокомандующему и сказал ему: «...Велевший играть отбой не дал нам взять Тулон». Солдаты, потеряв при отступлении немало своих товарищей, выражали недовольство. Они громко говорили о

том, что пора покончить с генералом. «Когда же перестанут присылать для командования нами живописцев и медиков?» Восемь дней спустя Доппе был послан в Пиренейскую армию. Свое прибытие туда он ознаменовал гильотинированием большого числа генералов.

Он привез с собою для командования осадной артиллерией дивизионного генерала старой службы Дютейля, но у Наполеона от правительства было специальное полномочие, и командование было оставлено за ним. В артиллерии было два генерала по фамилии Дютейль. Старший, долгое время являвшийся начальником Оксонской школы, был превосходный артиллерийский офицер. Его школа славилась. В 1788 г. он обратил там внимание на Наполеона, тогда артиллерийского лейтенанта, предчувствуя его воинские дарования. Этот генерал не придерживался революционных взглядов. Он был уже пожилой человек, однако отказался эмигрировать, оставшись на своем посту. При осаде Лиона Келлерманом он командовал артиллерией. После взятия этого города ему не удалось ускользнуть от Комитета наблюдения Коло д'Эрбуа и Фуше. Он был осужден революционным трибуналом и приговорен к казни. Приговор был мотивирован тем, что он опоздал выслать артиллерию в тулонскую осадную армию. Тщетно показывал он письма, присланные ему Наполеоном с благодарностью за разумные распоряжения и энергию, проявленную им при отправке этих транспортов.

Генерал Дютейль-младший, ничего не понимавший в ар-

тиллерии, был человек совершенно противоположного склада. Это был «добрый малый». По прибытии к Тулону он очень обрадовался, найдя занятой ту должность, которую сам он не был способен исполнять, тем более, что в этих условиях исполнение ее было делом весьма рискованным. Он умер впоследствии в Меце начальником крепостной артиллерии.

Голос солдат был наконец услышан. 20 ноября доблестный Дюгомме принял командование армией. Он имел за собой 40 лет службы. Это был богатый колонист с Мартиники, офицер в отставке. В начале революции он стал во главе патриотов и оборонял город Сен-Пьер. Изгнанный с острова, когда англичане заняли его, он потерял все свое состояние. Его назначили командиром бригады в Итальянскую армию в то время, когда пьемонтцы, желая воспользоваться отвлечением сил к Тулону, вздумали переправиться через Вар и войти в Прованс. Дюгомме разбил их при Жилетте, чем заставил отступить на прежний рубеж. Он обладал всеми качествами старого воина. Сам чрезвычайно храбрый, он любил храбрецов и был любим ими. Он был добр, хотя горяч, очень энергичен, справедлив, имел верный военный глаз, был хладнокровен и упорен в бою.

VII

Лионская армия была распределена между Альпийской,

Пиренейской и Тулонской. Подкрепление оказалось не столь велико, каким могло бы быть. Вместе с ним в осадной армии находилось только 30 000 человек, считая и плохие, и хорошие войска. Главнокомандующий союзными войсками генерал О'Хара поджидал подкрепление из 12 000 пехотинцев и 2000 кавалеристов. Он надеялся добиться снятия осады, захватить олиульский парк, обойти французскую армию в Италии, а затем, соединившись с пьемонтской, расположиться на зимних квартирах по Дюранс и овладеть всем Провансом. В этой провинции недоставало продовольствия. Несколько попыток подвезти припасы, предпринятых марсельскими купцами, остались безрезультатными по причине занятия противником Тулона и присутствия английского, испанского и неаполитанского флота в Средиземном море. Эта часть республики возлагала все свои надежды на скорое падение Тулона, а между тем за четыре месяца с начала осады было обстреляно, по слухам, лишь одно полевое укрепление, расположенное в стороне от крепостных фортов; неприятель спокойно владел не только городом и фортами, но и всем пространством между городом, горою Фарон и фортом Мальбоске. Все усилия осаждающих предпринимались в направлении, противоположном городу, и это возбуждало общее неодобрение. Полагали, что осада даже не начиналась, так как против фортов и сооружений долговременной фортификации не были еще заложены траншеи. Власти, находившиеся в Марселе и знавшие о плане осады только по слу-

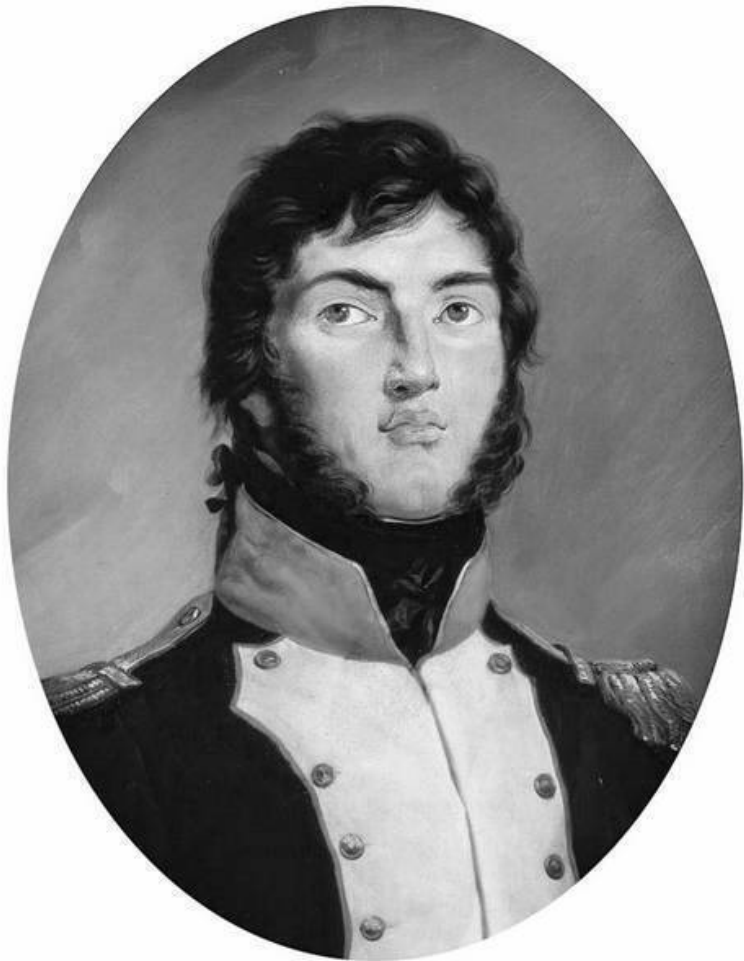
хам, боясь все усиливающегося голода, предлагали Конвенту снять осаду, очистить Прованс и отступить за Дюранс. «Теперь еще, – говорили они, – мы можем отступить в порядке, но позже нас заставят это сделать поспешно и с потерями. Противник, заняв Прованс, будет вынужден его кормить, а весной наша армия, хорошо отдохнувшая, перейдет через Дюранс и бросится на врага, как сделал Франциск I с Карлом V». Это письмо прибыло в Париж за несколько дней до известия о взятии Тулона, что показывает, насколько плохо был понят план осадных действий, такой простой и ясный, судя по его результатам.

Жак-Франсуа Дюгоммье (1738–1794). Гравюра Э. Тома

с оригинала А. Руссо. Из «Альбома столетия...» (Париж, 1889)

Батареи были построены. Все было готово для атаки форта Мюрgrav. Начальник артиллерии считал необходимым поставить одну батарею на Аренской высоте, против форта Мальбоске, так, чтобы с нее на другой день после взятия Малого Гибралтара можно было открыть огонь; он рассчитывал, что огонь этой батареи произведет большое моральное воздействие на военный совет осажденных, который соберется для принятия решения.

Луи-Габриэль Сюше (1770–1826) в чине подполковника, 1792 г. Фрагмент портрета работы В.-Н. Равера, 1834 г.

Для того чтобы поразить, нужно действовать внезапно, и, значит, следовало скрывать от врага существование батареи; с этой целью она была успешно замаскирована оливковыми ветками. 29 ноября в 4 часа дня ее посетили народные представители. На батарее находилось восемь 24-фунтовых пушек и четыре мортиры. Она называлась батареей Конвента. Представители спросили канониров, что мешает им начать стрельбу. Канониры ответили, что у них все готово и что их орудия будут действовать весьма эффективно. Народные представители разрешили им стрелять. Начальник артиллерии, находившийся в главной квартире, с изумлением услышал пальбу, что противоречило его намерениям. Он отправился к главнокомандующему с жалобой. Зло было сделано непоправимое. На другой день, на рассвете, О'Хара во главе 7000 человек сделал вылазку, переправился у форта Сент-Антуан через ручей Ас, опрокинул все посты, защищавшие батарею Конвента, овладел ею и заклепал орудия. В Олиуле забили тревогу. Поднялось сильное смятение. Дюгоммье поехал по направлению атаки, собирая на своем пути войска и послав приказания придвинуть резервы. Начальник артиллерии выставил на различных позициях полевые орудия с целью прикрыть отступление и сдержать движение противника, угрожавшее олиульскому парку. Сделав эти распоряжения, он отправился на высоту, находившуюся напротив батареи. Через небольшую долину, разделявшую

их, от этой высоты до подножия насыпи пролегал ход сообщения, сделанный по приказанию Наполеона для подноса к батарее боеприпасов. Прикрытый оливковыми ветвями, он был незаметен. Войска противника стояли в боевом порядке справа и слева от него, а группа штабных офицеров находилась на батарейной платформе. Наполеон приказал батальону, занимавшему высоту, спуститься с ним в этот ход сообщения. Подойдя к подножью насыпи незаметно для противника, он приказал дать залп по войскам, стоявшим вправо от нее, а затем по стоявшим влево. По одну сторону находились неаполитанцы, по другую – англичане. Неаполитанцы подумали, что их обстреливают англичане, и тоже открыли огонь, не видя врага. В ту же минуту один офицер в красном мундире, хладнокровно прогуливавшийся по платформе, поднялся на насыпь с целью разузнать о происшедшем. Ружейный выстрел из хода сообщения поразил его в руку, и он свалился к подножью наружного откоса. Солдаты подняли его и принесли в ход сообщения. Это оказался главнокомандующий О'Хара. Таким образом, находясь среди своих войск, он исчез, и никто этого не заметил. Он отдал свою шпагу и заявил начальнику артиллерии, кто он такой. Наполеон заверил его в том, что он не подвергнется оскорблению. Как раз в эту минуту Дюгоммье с собравшимися войсками обошел правый фланг противника и угрожал прервать его коммуникации с городом, что и привело к отступлению. Вскоре оно превратилось в бегство. Противника преследо-

вали по пятам до самого Тулона и по дороге к форту Мальбоске. Дюгоммье в этот день получил две легкие раны. Наполеон был произведен в полковники. Генералу Мюре довольно некстати пришло желание, воспользовавшись порывом войск, взять штурмом форт Мальбоске, что оказалось невыполнимым. Здесь отличился Сюше, впоследствии маршал Франции, тогда командир батальона ардешских волонтеров.

VIII

Отборный отряд из 2500 человек егерей и гренадер, требуемый Дюгоммье из Итальянской армии, прибыл. Все говорило за то, чтобы не медлить больше ни минуты с захватом мыса Кэр, и было решено штурмовать Малый Гибралтар. Депутаты Конвента, находившиеся в Провансе, прибыли в Олиуль. 14 декабря французские батареи открыли беглый огонь бомбами и ядрами из пятнадцати мортир и тридцати пушек большого калибра. Канонада продолжалась день и ночь с 15-го по 17-е, до момента штурма.

Артиллерия действовала очень удачно. Неприятелю пришлось несколько раз заменять подбитые орудия новыми. Палисады, насыпи были разворочены. Значительное число бомб, залетавших в редут, заставило гарнизон покинуть его и занять позицию позади. Главнокомандующий приказал двинуться на приступ в час ночи, рассчитывая подоспеть к

редуту либо до того, как гарнизон, предупрежденный об атаке, успеет туда вернуться, либо, по крайней мере, одновременно с ним. Целый день 16-го шел проливной дождь, и это могло задержать движение некоторых колонн. Дюгомме, не ожидая от этого ничего хорошего, хотел было отложить атаку на следующий день, но, побуждаемый, с одной стороны, депутатами, образовавшими комитет и исполненными революционного нетерпения, а с другой – советами Наполеона, считавшего, что плохая погода не является неблагоприятным обстоятельством, продолжал подготовку к штурму. В полночь, сосредоточив все силы в деревне Сена, он построил четыре колонны. Две, слабые, расположились на позициях по краям мыса для наблюдения за двумя редутами – Балагье и Эгильетт. Третья, состоявшая из отборных войск под командой Лаборда, направилась прямо на Малый Гибралтар. Четвертая служила резервом. Во главе атакующих стал сам Дюгомме. Подойдя к подножию мыса, стрелки открыли огонь. Противник предусмотрительно устроил заграждения на дорогах, так что у гарнизона хватило времени разобрать на биваке ружья, вернуться в форт и стать за бруствером. Стрелков у него оказалось больше, чем предполагали. Чтобы отеснить их, часть французской колонны рассыпалась. Ночь стояла очень темная. Движение замедлилось, и колонна расстроилась, но все же добралась до форта и залегла в нескольких флешах. Тридцать или сорок гренадер проникли даже в форт, но были отеснены огнем из бревенчатого укрытия и

принуждены вернуться назад. Дюгоммье в отчаянии отправился к четвертой колонне – резерву. Ее вел Наполеон. По его приказанию впереди шел батальон, который был вверен им Мюирону, капитану артиллерии, в совершенстве знавшему местность. В 3 часа утра Мюирон проник в форт через амбразуру; за ним последовали Дюгоммье и Наполеон. Лаборд и Гильон проникли с другой стороны. Канониров перебили у орудий. Гарнизон отошел к своему резерву на холме, на расстояние ружейного выстрела от форта. Здесь противник перестроился и произвел три атаки с целью вернуть форт. Около 5 часов утра к противнику были подвезены два полевых орудия, но, по распоряжению начальника артиллерии, уже подоспели его канониры, и орудия форта повернулись против врага. В темноте, под дождем, при ужасном ветре, среди валявшихся в беспорядке трупов, под стоны раненых и умирающих стоило большого труда изготовить к стрельбе шесть орудий. Лишь только они открыли огонь, противник отказался от продолжения атак и повернул назад. Немного спустя стало светать.

Наполеон Бонапарт в 1799 г. *Портрет работы А.-Ж. Гро, 1802 г.*

Эти три часа были часами мучительных ожиданий и тревог. Только днем, через много времени после захвата форта, вошли в него представители Конвента уверенной, молодецкой поступью, с обнаженными саблями, и поблагодарили солдат. На рассвете на холмах, господствовавших над Эгиллетт и Балагье, было замечено несколько английских батальонов. От Малого Гибралтара, который, будучи расположен на вершине мыса, господствует над ними, англичане находились на расстоянии пушечного выстрела. Первые два часа после рассвета победоносная армия потратила на сбор частей. Прибыло несколько полевых батарей, и в 10 часов утра началось наступление на противника, поспешно уходившего от берега под прикрытием военных кораблей. К полудню он был совершенно изгнан с мыса, и французы стали здесь хозяевами.

Оба занятых форта представляли собою лишь простые батареи, выложенные из кирпича на морском берегу, с большой башней на горже, которая служила вместе и казармой и укрытием. Над башней, в 20 туазах от нее, возвышались холмы мыса. Эти батареи совсем не предназначались для обороны против неприятеля, наступающего с суши и располагающего пушками. Наши шестьдесят 24-фунтовых пушек и 20 мортир находились у деревни Сены на колесном ходу и

передках, на расстоянии пушечного выстрела, так как было важно без малейшего замедления начать из них стрельбу. Однако начальник артиллерии отказался от огневых позиций обеих батарей, брустверы которых были из камня, а башня находилась в такой близости, что рикошетные снаряды и обломки ее могли поражать канониров. Он наметил огневые позиции для батарей на высотах. Остаток дня пришлось затратить на их оборудование. Несколько 12-фунтовых пушек и гаубиц начали обстреливать неприятельские шлюпы, когда те намеревались перейти с малого рейда на большой. На рейде царило величайшее смятение. Корабли снялись с якоря. Стояла пасмурная погода, и грозил подняться порывистый юго-западный ветер, дующий три дня сряду и способный на все это время помешать выходу эскадры коалиции с рейдов, обрекая ее на полный разгром.

Штурм обошелся республиканской армии в 1000 человек убитыми и ранеными. Под Наполеоном была убита лошадь выстрелом с батареи Малого Гибралтара. Накануне атаки он был сброшен на землю и расшибся. Утром он получил от английского канонира легкую колотую рану в икру. Генерал Лаборд и капитан Мюиرون были тяжело ранены. Потери врага убитыми и ранеными достигали 2500 человек.

IX

Наметив огневые позиции для батарей и отдав все прика-

зания, необходимые для парка, Наполеон отправился на батарею Конвента с целью атаковать форт Мальбоске. Он заявил генералам: «Завтра или самое позднее послезавтра вы будете ужинать в Тулоне». Это тотчас же сделалось предметом обсуждения. Некоторые надеялись, что так и будет, большая же часть на это не рассчитывала, хотя все гордились одержанной победой. Английский адмирал, узнав о взятии Малого Гибралтара, тотчас же послал приказание удержать форты Эгильетт и Балагье для того, чтобы дать возможность подкреплениям, которые он сейчас же вышлет из города, высадиться на берег и отбить Малый Гибралтар, так как от этого зависит безопасность его якорной стоянки. С этой целью адмирал отправился в Тулон и потребовал, чтобы для взятия этого форта было высажено 6000 человек. В случае, если они не смогут отбить его, они должны окопаться на обоих холмах выше Балагье и Эгильетта, чтобы выиграть 8–10 дней, по истечении которых ожидалось подкрепление. Но когда в полдень ему дали знать сигналами, что трехцветное знамя уже развеивается на батареях и союзные войска снова погрузились на суда, адмиралом овладел страх оказаться запертым на рейдах. Он приказал эскадре сняться с якоря, поднять паруса, выйти с рейдов и крейсировать вне досягаемости пушечных выстрелов с берега. Тем временем был созван военный совет. Протоколы его попали в руки Дюгомме, сравнившего их с протоколами французского военного совета в Олиуле 15 октября. Дюгомме нашел, что Наполе-

он все предвидел заранее. Старый и отважный генерал с удовольствием об этом рассказывал. В самом деле, в этих протоколах говорилось, что «совет спросил у артиллерийских и инженерных офицеров, имеется ли на большом и малом рейдах такой пункт, где могла бы стать эскадра, не подвергаясь опасности от бомб и каленых ядер с батарей Эгильетт и Балагье; офицеры обоих родов оружия ответили, что не имеется. В случае, если эскадра покинет Тулон, сколько следует ей оставить в нем гарнизона? Сколько времени сможет он держаться? Ответ: нужно 18 000 человек; держаться они смогут самое большее 40 дней, если будет продовольствие. Третий вопрос: не соответствует ли интересам союзников немедленно очистить город, предав огню все, чего нельзя захватить с собой? Военный совет единодушно настаивает на оставлении города: у гарнизона, который можно оставить в Тулоне, не будет возможности отступить и ему нельзя будет более посылать подкреплений, он будет ощущать недостаток в необходимых припасах. Сверх того, двумя неделями раньше или позже он принужден будет капитулировать и тогда его заставят сдать невредимыми и арсенал, и флот, и все сооружения».

В Тулоне разнеслась весть, что военный совет решил очистить город. Недоумение и тревога достигли крайних пределов. Жители совсем не заметили взятия Малого Гибралтара. Они знали, что ночью против него велась атака, но не придавали этому никакого значения. В то время, когда они ждали

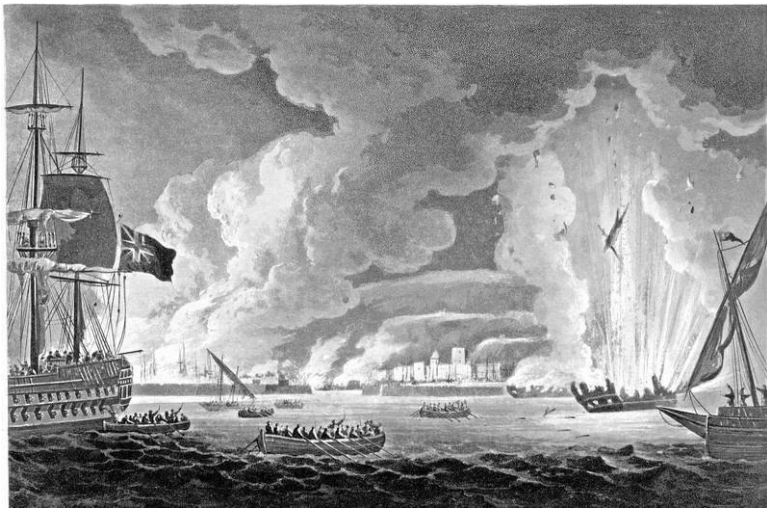
избавления, убаюкивая себя надеждой на скорое прибытие подкреплений – им пришлось начать думать об оставлении своих домов, своей отчизны! – Военный совет распорядился взорвать форты Поме и Ла-Мальг. Форт Поме был взорван в ночь с 17-го на 18-е. Очистение фортов Фарон, Мальбоске, редутов Руж и Блан и Сент-Катрин произошло в ту же ночь. 18-го все эти форты были заняты французами.

17-го, перед рассветом, в то время как шел штурм Мало-го Гибралтара, Лапуап захватил гору Фарон после довольно горячей схватки и обложил форт. В этом деле отличился Лагарп – полковник Овернского полка, впоследствии дивизионный генерал, убитый в итальянском походе. Положение вещей было настолько неясно, что, когда войска узнали о взрыве форта Поме, распространился слух, будто это произошло в связи со случайным пожаром в пороховом погребе. Владея Мальбоске и другими фортами, окружавшими Тулон, кроме форта Ла-Мальг, где еще находился противник, армия днем 18-го числа придвинулась к валам крепости. Весь день город обстреливался из нескольких мортир.

Англо-испанская эскадра, сумевшая выйти с рейдов, крейсировала за их пределами. Море было покрыто шлюпками и малыми судами противника, направлявшимися к эскадре. Им приходилось двигаться мимо французских батарей; несколько судов и значительное число шлюпок были пущены ко дну.

Вечером 18-го по страшному взрыву узнали об уничтоже-

нии главного порохового погреба. В то же мгновение в арсенале показался огонь в четырех-пяти местах, а полчаса спустя весь рейд был объят пламенем. То были подожжены девять французских линейных кораблей и четыре фрегата. На несколько лье кругом горизонт находился как бы в огне; было видно как днем. Зрелище было величественное, но ужасное. Каждую секунду ждали взрыва форта Ла-Мальг, но его гарнизон, боясь быть отрезанным от города, не успел заложить мины. Той же ночью в форт вошли французские стрелки. Тулон был объят ужасом. Большая половина жителей поспешно покинула город. Те, кто остался, забаррикадировались в домах, опасаясь мародеров. Армия осаждающих стояла в боевом порядке на гласисе.

Французские корабли горят на рейде Тулона, 18 декабря 1793 г. Гравюра Т. Сазерленда с картины Т. Уайткомба, 1816 г.

18-го, в 10 часов вечера, полковник Червони взломал ворота и с патрулем в 200 человек вошел в город. Им был обойден весь Тулон. Повсюду царил величайшая тишина. В порту валялись груды багажа, на погрузку которого у бежавших жителей не хватило времени. Разнесся слух, что подложены фитили для взрыва пороховых погребов. Были посланы дозоры из канониров, чтоб проверить это. Затем вошли в город войска, назначенные для его охраны. В морском арсенале оказался чрезвычайный беспорядок. 800–900 галерных

каторжников с величайшим усердием занимались тушением пожара. Ими была оказана громадная услуга; они противодействовали английскому офицеру Сиднею Смуту, которому был поручен поджог судов и арсенала. Этот офицер очень плохо исполнил свою обязанность, и республика должна быть ему признательна за те весьма ценные предметы, которые сохранились в арсенале. Наполеон отправился туда с канонирами и оказавшимися в наличии рабочими. В течение нескольких дней ему удалось потушить пожар и сохранить арсенал. Потери, которые понес флот, были значительны, но имелись еще огромные запасы. Были спасены все пороховые погреба, за исключением главного. Во время изменнической сдачи Тулона там находился 31 военный корабль. Четыре из них были использованы для перевозки 5000 матросов в Брест и Рошфор, девять были сожжены союзниками на рейде, а тринадцать оставлены разоруженными в доках. С собой союзниками было уведено четыре, из которых один сгорел в Ливорно. Боялись, как бы союзники не взорвали док и его дамбы, но на это у них не хватило времени. Тринадцать кораблей и фрегатов, сгоревших на рейде, образовали ряд заграждений. В течение восьми или десяти лет производились попытки их удалить, и, наконец, неаполитанским водолазам удалось это исполнить при помощи распиливания остовов, удаляя их кусок за куском. Армия вошла в город 19-го. Семьдесят два часа она находилась под ружьем, в дождь и слякоть. В городе ею было произведено

много беспорядков как бы с разрешения начальства, надававшего солдатам обещаний во время осады. Главнокомандующий восстановил порядок, объявив все имущество Тулона собственностью армии и приказал снести все в центральные склады как из частных складов, так и из покинутых домов. Впоследствии республика конфисковала все это, выдав в награду каждому офицеру и солдату годовой оклад жалованья.

Эмиграция из Тулона была весьма значительной. Неаполитанские, английские и испанские корабли были переполнены. Это вынудило их бросить якорь на Иерском рейде и расположить беглецов биваком на островах Поркероль и Левант. Говорят, что их насчитывалось около 14 000 человек.

Дюгоммье отдал приказ не снимать белого знамени с фортов и бастионов рейда, что ввело в заблуждение многие военные корабли и коммерческие суда, подвозившие припасы для противника. В течение месяца после взятия города не проходило ни одного дня, чтобы не захватывались обильно нагруженные суда. Один английский фрегат уже было причалил к Большой башне. Он вез несколько миллионов денег. Его сочли уже захваченным и два морских офицера на ботике подплыли к нему, взошли на палубу и заявили капитану, что фрегат в качестве приза находится в их власти. Капитан посадил в трюм обоих смельчаков, перерезал причальные канаты и сумел выбраться без больших повреждений. В конце декабря, вечером, около 8 часов, начальник артилле-

рии, находясь на набережной, заметил подходившую английскую шлюпку. Офицер, сойдя с нее, спросил, где квартира адмирала лорда Худа. Он оказался капитаном прекрасного брига, пришедшего с депешами и с вестью о прибытии подкреплений. Судно было взято и депеши прочтены.

Санкюлоты. Гравюра из цикла «История костюма» (*Zur Geschichte der Kostüme*), опубликованного в Мюнхене с 1861-

Народные представители, по законам того времени, учредили революционный трибунал; но все виновные бежали вместе с неприятелем; те же, кто решился остаться, чувствовали себя невиновными. Однако трибунал арестовал несколько человек, случайно не успевших уйти с неприятелем, и казнил их в наказание за совершенные ими злодеяния. Но восьми-десяти жертв было мало. Прибегли к ужасному средству, характеризующему дух той эпохи: было объявлено, что всем, кто при англичанах работал в арсенале, надлежит собраться на Марсово поле для записи фамилий. Дали понять, что это делается с целью принять их вновь на службу. Почти 200 человек старших рабочих, конторщиков и других мелких служащих поверили этому и явились; их фамилии были записаны и тем было удостоверено, что они сохраняли свои места при англичанах. Тотчас же на том же поле революционный трибунал присудил всех их к смерти. Батальон санкюлотов и марсельцев, вызванный туда, расстрелял их. Подобный поступок не нуждается в комментариях. Но это была единственная массовая казнь. Неверно, что кого бы то ни было расстреливали картечью. Начальник артиллерии и канониры регулярной армии не стали бы в этом участвовать. В Лионе эти ужасы совершили канониры революционной армии. Декретом Конвента Тулонскому порту было дано новое название – «порт Гора» – и было приказано раз-

рушить все общественные здания, за исключением признанных необходимыми для флота и гражданского управления. Этот сумасбродный декрет начал приводиться в исполнение, но с большой медлительностью. Было разрушено лишь пять или шесть домов, через некоторое время снова восстановленных.

Английская эскадра простояла на Иерском рейде месяц или полтора. В Тулоне не было ни одной мортиры, которая могла бы стрелять больше чем на 1500 туазов, а эскадра стояла на якоре в 2400 туазах от берега. Если бы в то время в Тулоне было несколько мортир системы Вилантруа или таких, какими стали пользоваться впоследствии, эскадра не смогла бы стоять на рейде. В конце концов, взорвав форты Поркероль и Портро, неприятель ушел на рейд Порто-Феррайо, где высадил значительную часть тулонских эмигрантов.

Весть о взятии Тулона в тот момент, когда этого менее всего ожидали, произвела огромное впечатление на Францию и на всю Европу. 25 декабря Конвент устроил национальный праздник. Взятие Тулона послужило сигналом для успехов, ознаменовавших кампанию 1794 г. Несколько времени спустя Рейнская армия овладела Вейссенбургскими линиями и сняла блокаду с Ландау. Дюгоммье с частью войск отправился в Восточные Пиренеи, где Доппе делал одни только глупости. Другая часть этих войск была послана в Вандею. Большое число батальонов вернулось в Итальянскую армию. Дюгоммье отдал приказ Наполеону следовать

за ним; но из Парижа были получены другие распоряжения, возлагавшие на него обязанность заняться сперва перевооружением средиземноморского побережья, в особенности Тулона, а затем отправиться в Итальянскую армию в качестве начальника артиллерии.

С этой осады утвердилась репутация Наполеона. Все генералы, народные представители и солдаты, знавшие о мнениях, которые он высказывал на различных советах за три месяца до взятия города, все те, кто были свидетелями его деятельности, предрекали ему ту военную карьеру, которую он потом сделал. Доверием солдат Итальянской армии он заручился уже с этого момента. Дюгоммье, представляя его к чину бригадного генерала, написал в Комитет общественного спасения буквально следующее: «Наградите и выдвиньте этого молодого человека, потому что, если по отношению к нему будут неблагоприятны, он выдвинется сам собой». В Пиренейской армии Дюгоммье беспрестанно говорил о своем начальнике артиллерии под Тулоном и внушил высокое мнение о нем генералам и офицерам, отправившимся впоследствии из Испанской армии в Италию. Находясь в Перпиньяне, он посылал Наполеону в Ниццу курьеров с известиями об одержанных им победах.

Очерк операций Итальянской армии в 1792, 1793, 1794 и 1795 гг

I. Очерк событий, происшедших в Итальянской армии с начала войны и в течение 1792 и 1793 гг., до осады Тулона. – II. Наполеон руководит армией в кампанию 1794 г. Занятие Саорджио, Онелья, перевала Тенде и всего главного хребта Альп (апрель 1794 г.). – III. Марш армии через Монпенотте (октябрь 1794 г.). – IV. Морские экспедиции. Бой у Ноли (март 1795 г.). – V. Наполеон подавляет мятежи в Тулоне. – VI. Он покидает свой пост в Итальянской армии и приезжает в Париж (июнь 1795 г.). – VII. Келлерман, потерпев поражение, сосредоточивает свои силы на линии Боргетто (июль 1795 г.). – VIII. Битва у Лоано (декабрь 1795 г.).

I

Война с первой коалицией началась в 1792 г. Генералу Монтескью, командующему Южной армией, была поручена оборона всей границы от Женевы до Антиба. Кампания началась в сентябре. Из своего лагеря у Сесьё он двинулся на Изер, в форт Барро, и в течение нескольких недель занял Шамбери и всю Савойю. Пьемонтцы отступили за Альпы.

Генерал-лейтенант Ансельм, командовавший дивизией в 10 000 человек, был назначен оборонять Вар – от Турнусского лагеря около Аржантьерского перевала до Антиба. Адмирал Трюге с девятью военными кораблями, имея на борту 2000 человек десанта, крейсировал между Антибом и Монако. Вар – плохая оборонительная линия. Французская эскадра угрожала ей с тыла. Это побудило Туринский двор расположить свою армию на оборонительной линии по обратному склону приморских Альп с правым флангом, опирающимся на Вар и его притоки, центром на Лантоска и левым флангом на Ройе, перед Саорджио. 23 сентября генерал Ансельм, узнав от французского адмирала, что появление его эскадры перед Ниццей вынудило противника эвакуировать этот город, и о начавшемся движении пьемонтской армии, перешел через Вар во главе 4000 человек, овладел Ниццей, фортом Монтальбан и Вильфраншем, не встретив никакого сопротивления. Оба последние укрепления были полностью оборудованы и снабжены прекрасной артиллерией. Их гарнизоны попали в плен. Ансельм перешел Вар вброд; на следующий день этот поток вздулся. В течение восьми-десяти дней он оставался в Ницце отрезанным от главных сил своей армии. Противник не обратил внимания на это обстоятельство или не знал, как им воспользоваться. Ансельм продвинул авангард за Скарена, на туринском шоссе. Эскадра направилась в Онелья – порт, принадлежавший сардинскому королю; адмирал предложил коменданту сдаться, но парла-

ментер его был убит. Десантные войска овладели городом. Генерал Ансельм не сумел поддерживать дисциплину среди войск; его даже обвинили в участии в бесчинствах, на которые жаловался город Ницца; он был отозван.

Альпы. Карта из «Военной энциклопедии» (СПб., 1911–1915)

Список укреплений

Австрийские:

1 – Наудерс;

- 2 – Гомагой;
- 3 – Тонале;
- 4 – Левико;
- 5 – Паневегио;
- 6 – Мосна;
- 7 – Франценсфесте;
- 8 – Предасси и Пардой;
- 9 – Плетцвизе, Ландро и Секстен;
- 10 – Мальборгет;
- 11 Предиль и Флич.

Французские:

- 12 – Кейрас;
- 13 – Барро;
- 14 – Шамуссе;
- 15 – Модан;
- 16 – Бурж-Сен-Морис;
- 17 – Пьер Шатель.

Итальянские:

- 18 – Коль-ди-Тенде;
- 19 – Винадио;
- 20 – Фенестреле;
- 21 – Эксиль и Мон-Сенис;
- 22 – Изела;
- 23 – Рока Данфо;
- 24 – Арсиеро и Асиаго;
- 25 – Примолано;

26 – Агордо;

27 – Пьеве-ди-Кадоре;

28 – Кьюзафорте.

В начале 1793 г. правительство отделило Альпийскую армию от Итальянской, командование которой было вверено генералу Бирону 15 февраля 1793 г. Произошло несколько боев на высотах Скарена, Соспелло, Лантоска. Ими овладевали последовательно армии то одной, то другой стороны; но, наконец, Соспелло был прочно занят французской армией. Авангард расположился между Соспелло и Брельо, в лагере Бруи. 11 апреля Бирон овладел Лантоска и высотами до Бельведера; он взял много пленных и несколько пушек. Некоторое время спустя он был отозван для командования армией в Вандее; его сменил генерал Брюне. Армия получила подкрепления, после чего она насчитывала 30 000 человек под ружьем. Вместе с войсками, занимавшими гарнизоны в Провансе, с этапными частями и больными численность армии доходила до 68 000 человек. Противник тоже был усилен пополнениями и отличной австрийской дивизией: он укрепил свои позиции большим числом батарей и фортификационными сооружениями. Его правый фланг примыкал к ютельской позиции, центр располагался перед перевалом Раус, левый фланг – перед Саорджио, крепостью, лежащей по обеим сторонам шоссе из Ниццы в Турин. Генерал Брюне вполне обоснованно желал овладеть всеми при-

морскими Альпами, прогнать противника за перевал Тенде и расположить свою армию на время дождей по вершинам Альп. Это сделало бы позицию значительно более сильной и требующей меньше людей для ее обороны. Такой проект был очень разумен; у Брюне было достаточно сил для его выполнения, но отсутствовали военные способности, необходимые для руководства такой серьезной операцией. 8 июня 1793 г. он перешел в наступление по всему фронту. Всё, что можно было сделать, французские солдаты сделали; все позиции, которыми можно было овладеть, они захватили; но занятые противником позиции Фурш и Раус были неприступны. Брюне упорствовал, возобновив 12 июня наступление, которое принесло славу пьемонтцам и привело к гибели отборных гренадер его армии. Позиции пьемонтцев стали считаться неприступными; они продолжали на них укрепляться. В августе тулонская измена потребовала выделения части Итальянской армии для формирования осадной армии; но, хотя и ослабленная. Итальянская армия отразила в течение октября все попытки пьемонтцев войти в Прованс, переправившись через Вар. Одна из их дивизий силою в 4000 человек была разбита и почти уничтожена Дюгоммье у Жилетт, и это заставило их вернуться на свои позиции. Брюне, несправедливо обвиненный в измене и в покровительстве марсельскому восстанию, был отдан под суд парижского революционного трибунала и погиб на эшафоте.

Французская армия в 1793 г.: солдаты Национальной гвардии, Северного и Батавского легионов, 1-го полка линейной пехоты. Художник Р. Кнётель

После взятия Тулона Наполеон первые два месяца 1794 г. занимался укреплением побережья Средиземного моря. В Ниццу он прибыл в марте и принял здесь главное командование артиллерией. Командующим армией был генерал Дюморбион. Этот генерал, из старых гренадерских капитанов, добился чина полковника, бригадного генерала и дивизионного генерала в кампаниях 1792 и 1793 гг., состоя в Итальянской армии; он знаком был тут со всеми позициями и руководил в июне атакою под командой Брюне. Этому человеку было шестьдесят лет; прямодушный, лично храбрый, довольно образованный, но страдавший подагрой, а потому не встававший с постели, он целые месяцы проводил не двигаясь. Начальником штаба у него был генерал Готье, начальником административной части – д'Эйсотье, Галлер заведовал финансами и снабжением, генерал Дюжар был помощником начальника артиллерии, полковник Гассенди – начальником парка, генерал Виаль – начальником инженерных войск, генералы Маккар, Даллемань, Массена и другие командовали различными соединениями. Штаб вот уже два года пребывал в десяти лье от передовых постов, в Ницце, где совсем не чувствовалось войны.

Французская национальная гвардия в 1893–1894 гг. Художник *Р. Кнётель*

II

Начальник артиллерии провел часть марта, знакомясь с занимаемыми армией позициями и изучая бои, происходившие с 1792 г. Несколько дней он провел в Бруи, занятом генералом Маккаром; он убедился в большой прочности позиций противника и в безрассудстве губительных для французов атак 8 и 12 июня.

В горах повсюду находятся позиции, чрезвычайно сильные сами по себе, и от атаки их следует воздерживаться. Искусство горной войны состоит в том, чтобы занимать позиции или на флангах, или в тылу противника и этим ставить его перед необходимостью либо очистить свою позицию без боя, чтоб занять другую, несколько позади, либо выступить и атаковать вас. В горной войне атаковать невыгодно. Даже в наступательной войне искусство состоит в том, чтобы вести только оборонительные бои, вынуждая противника прибегать к атаке.

Позиции противника были хорошо связаны между собой. Правый фланг был прикрыт хорошо, левый – плохо. С этой стороны местность была значительно более проходима. Наполеон тогда же составил план действий, по которому армия без тяжелых боев овладевала главным хребтом Альп и вынуждала противника оставить такие сильные позиции, как Раус и Фурш. По этому плану следовало обойти левый фланг

противника, переправившись через реки Ройя, Нервия и Таджа, занять гору Танардо, Рокка-Барбона, Танарелло и перехватить шоссе, ведущее в Саорджио, – коммуникационную линию противника, позади холма Марта.

Онелья служила пристанищем большому числу корсаров. Оттуда они перехватывали коммуникации из Ниццы в Геную; это вредило армии и еще больше – снабжению продовольствием Прованса, где свирепствовал голод. Намеченной операцией заодно разрешалась и эта задача: когда армия взойдет на Монте-Гранде, она будет господствовать над истоками Танаро и всей долиной Онелья; этот город, Ормеа, Гарессио и Лоано перейдут в ее руки. Таким образом, этот план кампании привел бы к трем значительным результатам: 1) к расположению линии обороны графства Ницца на естественной позиции по главному хребту Альп; 2) к продвижению правого фланга в местность, где горы, будучи значительно менее высокими, предоставляют больше выгод; 3) к прикрытию части генуэзской Ривьеры и уничтожению корсарского притона, мешающего путям сообщения между большим торговым центром Генуей, армией и Марселем. Не приходилось опасаться, что противник воспользуется разделением французской армии вследствие продвижения ее правого фланга и сам перейдет в наступление. Такое наступление в горной стране опасно только тогда, когда теряют время вместо нанесения решительных контрударов, ибо, опередив врага на несколько переходов, выходишь ему во фланг и то-

гда противник уже не имеет времени, чтобы начать наступление. В горной войне заставить противника выйти из своих позиций и атаковать вас – это и значит, как мы уже говорили, действовать искусно и в духе этой войны. Действительно, позиции у Беолетского, Бруйсского, Перусского перевалов, может быть, менее сильные, чем позиции пьемонтцев, оказались, однако, чрезвычайно сильными сами по себе. Пьемонтцам не могло помочь их численное превосходство. Форсировав эти позиции, противник был бы остановлен позициями у перевалов Брау, Кастильоне и Лючерам, также достаточно сильными. Пьемонтцы могли принять решение атаковать позиции горы Танарда и Танарелло сразу после того, как их займут французы, но эти позиции были крепки сами по себе. Тут снова можно было бы применить то же правило горной войны: вынуждать противника вести атаку. К тому же все французские войска, оставшиеся в Бруисском лагере, могли, перейдя через Ройю и гору Йове, прийти на помощь атакованным. И, наконец, операция в направлении на истоки Танаро и на Ормеа была бы сама по себе диверсией, которая удержала бы противника от очень рискованных горных боев и заставила бы его вернуть свою армию на равнину для прикрытия столицы.

Виктор Амадей III (1726–1796), король Сардинии и герцог Савойский, с семьей. Художник Дж. Дюпра, ок. 1760 г.

Этот план был передан на рассмотрение совета, в котором участвовали два народных представителя – комиссары при армии, генерал Дюморбион, начальник артиллерии, генерал Массена, генерал Виаль – начальник инженерной части, бригадный генерал Рюска, офицер легких войск, уроженец этих

гор, прекрасно их знавший. Репутация автора плана помогла избежать большой дискуссии. Все помнили его действия в Тулоне: план был принят.

Имелось одно политическое затруднение: предстояло пройти через территорию Генуэзской республики. Но союзники сами уже сделали это шесть месяцев тому назад, когда 2000 пьемонтцев прошли через генуэзскую территорию для посадки в Онелья при отправке в Тулон. Им дозволялось пройти небольшими невооруженными группами, а они шли все вместе, с оружием в руках и с барабанным боем. Разрешению этого вопроса помог и инцидент с «Ла-Модест». Этот фрегат бросил якорь в порту Генуя. 5 октября 1793 г. три английских корабля с двумя фрегатами тоже бросили якорь в порту; один английский 74-пушечный корабль встал рядом с «Ла-Модест». Старший офицер вежливо попросил вахтенного офицера фрегата переставить одну шлюпку, мешавшую маневрировать английскому кораблю. Французы это охотно сделали. Полчаса спустя английский капитан потребовал от командира «Ла-Модест» поднять белый флаг, заявляя, что он не знает никакого трехцветного флага. Союзники тогда занимали Тулон. Французский офицер ответил на этот вызов так, как предписывалось честью. Но у англичан были наготове три абордажных мостика. Они перебросили их на фрегат и взяли его на абордаж. В тот же момент они открыли беглый ружейный огонь с палубы и с марсов. У экипажа «Ла-Модест» ничего не было подготовлено; часть людей бросились

в воду; англичане преследовали их на шлюпках, некоторых убили, некоторых ранили. Генуэзцы были озлоблены до предела. Дрэйк, агент Англии, был освистан, ему угрожали, и он еле избежал больших неприятностей. Дожем в то время был Дориа; сенат извинился, но фрегат возвращен не был. Представители народа в Марселе наложили эмбарго на генуэзские суда. Они ожидали, что Конвент объявит войну, но Франция и особенно Юг ее изнывали от голода: генуэзский флот был необходим для снабжения продовольствием Прованса. Конвент затаил свое раздражение, заявив, что все произошло из-за слабости Генуи и что сношения будут продолжаться, как и прежде. Однако не менее верно и то, что независимость и нейтралитет этой республики были нарушены.

6 апреля дивизия в 14 000 человек, в составе пяти бригад, перешла через реку Ройя и овладела замком Винтимилья. Бригада под командованием Массена двинулась на гору Танардо и заняла здесь позицию. Другая бригада, перейдя через реку Таджа, заняла позицию на Монте-Гранде; три остальные бригады под непосредственным командованием Наполеона двинулись на Онелья и сбили австрийскую дивизию, расположенную на высотах Сант-Агата. Французский бригадный генерал Брюле был там убит. На следующий день армия вступила в Онелья; здесь она захватила 12 пушек. Население города и долины полностью разбежалось. Еще 12 пушек было захвачено около перевала Сан-Сильвестр. Пьемонтцы хотели вывезти их в Ормеа, но они попали в руки

2-й бригады, выходявшей через перевал Меццалуна. Армия двинулась на Понте-ди-Наве. Там стояли остатки австрийской дивизии. Она была атакована, разбита и сброшена с горы Ариоль в р. Танаро. Крепость Ормеа капитулировала в тот же день; в ней было 400 человек гарнизона, имелся оружейный склад на несколько тысяч ружей и два десятка пушек. Суконная мануфактура, продукцией которой были заполнены склады, помогла одеть армию. На следующий день, 18-го, армия овладела Гарессиио, восстановила свои пути сообщения через горы Сан-Бернардо и Рокка-Барбона с Лоано, маленьким городом на берегу моря, принадлежавшим сардинскому королю.

В Пьемонте поднялась сильная тревога. Противник поспешил очистить все склоны Альп, но запоздал и не смог увезти свою артиллерию. Массена из Танарелло вышел на тыловые подступы Саорджио, перехватив, таким образом, шоссе и отрезав отступление противнику позади холма Марта. Саорджио сдался 29 апреля. Этот форт мог бы держаться и дольше: в нем были значительные склады снаряжения и припасов. 8 мая Массена двинулся на Тендский перевал через перевал Арденте, в то время как генерал Маккар атаковал с фронта. Атака удалась. Армия овладела всем главным хребтом приморских Альп. Ее правый фланг, расположенный перед Ормеа, сообщался с Тендским перевалом через перевал Термини и от Тендского перевала занимал цепь Альп до Аржантьерского перевала, где находился крайний

пост Альпийской армии. Выполнение этого плана дало 3–4 тысячи пленных, 60–70 пушек, две крепости и обладание всей системой Альп до первых предгорий Апеннин. Армия занимала, таким образом, больше половины Западной Ривьеры, и хотя растянулась своим правым флангом на 15 лье, ее позиция стала более крепкой, и для ее охраны требовалось меньше войск. Ничто больше не могло препятствовать каботажному плаванию вдоль побережья, между Генуей и Провансом. Потери в армии были невелики. Падение Саорджио и других позиций, о которых так много говорилось и за которые так много пролилось крови, укрепило в армии репутацию Наполеона, и общественное мнение уже требовало назначения его главнокомандующим.

III

Состояние горной артиллерии было улучшено. Подполковник Фотрие, помощник заведующего парком, офицер артиллерийских мастерских, заботливо вникал во все подробности. Трехфунтовые пьемонтские пушки, найденные в ниццском арсенале и в крепостях Ормеа и Саорджио, а также на брошенных противником позициях, были достаточно легки для перевозки вьюком на мулах. Этот калибр, однако, не мог удовлетворить всех нужд. В корсиканскую войну (в 1768 г.) были сконструированы лафетные полозья и парные оглобли, служившие для перевозки 4-фунтовых пушек

вслед за колоннами. Это приспособление пригодилось и для 8- и 12-фунтовых пушек, и для 6-дюймовых гаубиц. Изобрели также горную кузню, приспособленную для перевозки на спине мула. В экспедициях против Онелья, Ормеа и Са-орджио артиллерийский парк из 24 пушек следовал в горах с армией. Пушки были очень полезны, особенно по тому моральному воздействию, которое они оказывали на свои войска и на противника.

Пьемонтская армия, расположившаяся на равнинах и на холмистом предгорье Альп, имела между тем все в изобилии. Она отдыхала, пополняла потери и изо дня в день усиливалась прибывавшими новыми австрийскими батальонами, тогда как французская армия, расположенная по гребням главного хребта Альп, на полуокружности протяжением в 60 лье, от Монблана до истоков Танаро, гибла от голода и болезней. Пути сообщения были трудны, припасы редки и очень дороги. Сильно страдали лошади, а вся материальная часть армии была в плохом состоянии. Высокогорный воздух и плохая вода вызывали много заболеваний. Потери, которые армия несла в госпиталях, за три месяца были не меньше, чем на поле большого сражения; такая оборона была хуже и для финансов и для людей, чем наступление. Оборона Альп, помимо этих невыгод, имеет еще и другие, скрытые в топографических особенностях этой местности. Различные части армии, расположенные на этих вершинах, не могут поддерживать одна другую; они разобщены; для того

чтобы пройти с правого фланга на левый, нужно 20 дней, тогда как армия, защищающая Пьемонт, располагается в прекрасных равнинах и может в несколько дней сосредоточить свои силы против места, которое она хочет атаковать. Комитет общественного спасения хотел, чтобы армия перешла в наступление. Наполеон имел по этому поводу в Кольмаре совещание с офицерами Альпийской армии, но соглашение достигнуто не было. Следовало сначала подчинить обе армии одному главнокомандующему.

Георг III (1738–1820), король Великобритании. *Гравюра Э. Тома с оригинала А. Руссо. Из «Альбома столетия...» (Париж, 1889)*

В сентябре одна австрийская дивизия сосредоточилась на р. Бормида. Ее склады были устроены в Дего. Одна английская дивизия должна была высадиться в Вадо, и обеим этим частям армии, соединившись, предстояло занять Савону и принудить Генуэзскую республику, лишенную всяких путей сообщения на море и на суше, к объявлению войны против Франции. Гавань Вадо заменила собой порт Онелья и стала служить пристанищем для английских крейсеров и морских корсаров. Они прервали торговлю Генуи с Марселем. Начальник артиллерии предложил захватить позиции Сан-Джиакомо, Монтенотте и Вадо. Правый фланг армии оказался бы, таким образом, у ворот Генуи. Главнокомандующий Дюморбион отправился туда во главе трех дивизий, в составе 18 000 человек с 20 горными орудиями.

Наполеон руководил частью армии, которая прошла через перевал Бардинетто и проникла в Монферрат по шоссе, идущему вдоль Бормиды. 4 октября она расположилась на высоте Биестро и 5-го спустилась в равнину. Он надеялся обрушиться на тылы австрийской армии, но та заметила это и начала отступать на Кайро и Дего. Ее энергично преследовал французский авангард под начальством генерала Червони. Канонада продолжалась весь вечер 5 октября; в 10 часов

вечера она еще была слышна. Австрийская армия отошла на Акви, бросив склады и пленных и потеряв тысячу человек.

Генерал Дюморбион не имел ни приказа, ни плана вступления войск в Италию; его кавалерия из-за недостатка фуража находилась на Роне. Начав преследовать противника, он отдалился бы от операционной линии и привлек бы на себя все силы австрийцев и сардинцев. Поэтому ему пришлось удовольствоваться этой разведкой, отойти через Монтенотте на Савону и стать на высотах Вадо, сохранив в долине Савоны одну заставу.

Артиллерия на побережье была расположена таким образом, что могла прикрывать французскую эскадру, стоявшую на этом рейде. Инженеры возвели сильные редуты на высотах Вадо, сообщающиеся дорогами через Сан-Джиакомо, Мелоньо, Сеттепани, Бардинетто, Сан-Бернардо с позициями, расположенными на возвышенностях Танаро. Такое растяжение правого фланга армии ослабляло ее позицию, но имело и ряд преимуществ: 1) оно позволяло армии господствовать над всей Западной Ривьерой и над всем побережьем, а также нарушало связь между австрийской и сардинской армиями и не позволяло им действовать согласованно с английским флотом; 2) оно обеспечивало свободное плавание из Генуи в Марсель, так как, командуя над всеми портами побережья, армия могла выставить батареи для защиты каботажного судоходства; 3) в таком положении армия могла поддерживать сторонников Франции в Генуе и упредить

противника под стенами этого города, если бы тот захотел к нему направиться. Эта операция, расстроившая планы противника и укрепившая нейтралитет Генуи, получила отклик в Италии и подняла там большую тревогу. Аванпосты армии находились, таким образом, в 10 лье от Генуи, а разъезды и дозоры иногда приближались на 3 лье.

Наполеон Бонапарт (1769–1821). Гравюра Э. Тома с ори-

Конец осени Наполеон употребил на оборудование хороших батарей по побережью от Вадо до Вара, чтобы обеспечить плавание между Генуей и Ниццей. В январе он провел одну ночь на Тендском перевале, откуда с восходом солнца открылся вид на плодородные равнины, о которых он уже мечтал. «*Italiam! Italiam!*»³

В течение зимы он несколько раз ездил в Тулон и Марсель для инспекции арсеналов и береговых батарей. Во время одной из таких поездок в Марселе царило большое возбуждение, и народный представитель Менье высказал ему свои опасения, как бы народные толпы не бросились к пороховым складам и к оружейным магазинам, находившимся в фортах Сен-Никола и Сен-Жан. Эти форты были разрушены народом во время революции. По просьбе этого представителя Наполеон составил проект возведения зубчатой стены, прикрывающей эти форты со стороны города. План этот был послан в Париж и охарактеризован в Конвенте как контрреволюционный, направленный к восстановлению фортов для использования их против патриотов Марселя. Конвент особым постановлением вызвал начальника артиллерии Марселя. Этим начальником был полковник Сюньи; он отправился в Париж, но при первом же допросе выяснилось, что план составлен не им. Тогда приказ явиться в Конвент был на-

³ «Италия! Италия!» (лат.)

правлен начальнику артиллерии армии. В те времена террора обвинение было равносильно приговору. Наполеон потратил много усилий, чтобы рассеять подозрения и добиться отмены этого постановления. Это ему все же удалось, ибо начались передвижения противника. Народные представители писали, что его присутствие необходимо в армии, и побудили депутатов департамента Буш-дю-Рон отказаться от своих обвинений.

IV

В течение 1792 и 1793 гг. французский флот господствовал на Средиземном море. После взятия Онелья контр-адмирал Трюге стал на якорь в Генуэзском порту, где и пробыл долгое время, и оттуда направил к Неаполю контр-адмирала Латуш-Тревиля с десятью линейными кораблями. Командир порта вышел ему навстречу и предложил пропуск для шести кораблей, заявив, что король не может принять более значительного числа кораблей, не нарушив своего нейтралитета. Адмирал обошелся без разрешения, бросил якорь перед окнами дворца и 16 декабря 1792 г. отправил на берег гражданина Бельвилля, который в мундире национальной гвардии был представлен королю кавалером Актоном. Он передал письмо контр-адмирала, в котором содержались следующие требования: 1) король должен заявить о своем нейтралитете; 2) он должен дезавуировать ноту своего посланника

в Константинополе, в которой предлагалось Порте не принимать г-на Семонвилля в качестве французского посла. Он добился всего, что требовал: Неаполитанский двор счел для себя за большое счастье, что так дешево отделался от этого неприятного визита.

В январе 1793 г. адмирал Трюге вышел из Генуи и стал на якорю в порту Аяччо, на острове Корсика. Там к нему присоединился транспорт с 4000 марсельцами, и он взял на суда 2000 человек линейных войск, которые Паоли, командир 23-й дивизии, передал в его распоряжение. С этими войсками он отправился к островам Сен-Пьер и овладел ими, оставил гарнизон в форту и бросил якорь 12 февраля перед Кальяри, столицей Сардинии. В тот же самый день 800 человек под начальством полковника Цезаря Колонна отплыли из Бонифачо в сопровождении корвета и предприняли контратаку в северной части Сардинии. Об этой экспедиции было известно уже шесть месяцев, и сардинцы к ней приготовились.

Они встретили ружейными выстрелами парламентаря, которого адмирал послал требовать сдачи Кальяри. Началась бомбардировка, и она еще продолжалась, когда к адмиральской эскадре прибыл, наконец, из Ниццы конвой с десантными войсками, которые составляла знаменитая марсельская фаланга численностью около 3200 человек. Немедленно был высажен десант. Тем временем контр-адмирал Латуш-Тревилль присоединился к эскадре со своими десятью кораблями. Все обещало полный успех, но ничто не смогло предот-

вратить поражение марсельской фаланги; прежде всего она отказалась штурмовать днем важную позицию, господствовавшую над городом. Ночью же одни колонны открыли огонь по другим, беспорядок достиг предела и отовсюду слышались крики об измене. Генерал Каза-Бьянка упрасивал адмирала вернуть войска на корабли; пришлось уступить. С помощью бомбардировки эскадра достигла довольно значительных результатов, но потеряла корабль «Леопард», который сел на мель, подойдя слишком близко к вражеским батареям. Поскольку экспедиция закончилась провалом, адмирал вернул в Италию различные вверенные ему части и ограничился тем, что прочно занял острова Сен-Пьер, эту столь важную промежуточную базу. В связи с объявлением войны Англии и Испании он получил приказ вернуться в Тулон и отказаться, таким образом, от второй цели своей экспедиции, которая состояла в походе к Константинополю, для укрепления союза Порты с Францией и оказания воздействия на Россию. Марсельские войска были набраны наспех и руководимы клубами; во всех дружественных и нейтральных странах, где они высаживались, эти войска развешивали террор, – всюду искали аристократов или священников, жаждали крови и преступлений. Экипажи кораблей эскадры были полностью укомплектованы опытными матросами, но они постоянно митинговали и были заняты составлением и подписанием петиций, из-за чего на каждом корабле царил ужасающая анархия. Генерал Каза-Бьянка, командо-

вавший десантом, был человек очень храбрый; он отличился при завоевании Савойи, но не имел опыта как главнокомандующий; к тому же у него были плохие войска и вовсе не было штаба. Он не мог достигнуть успеха. Это тот самый, который потом стал сенатором.

Этьен-Франсуа Летурнер де Ламанш (1751–1817) в костюме члена Исполнительной директории. *Гравюра Э. Тома с оригинала А. Руссо. Из «Альбома столетия...» (Париж, 1889)*

С марта 1793 г., когда Испания объявила войну Франции, соединенный англо-испанский флот господствовал в Средиземном море и крейсировал у генуэзского и прованского побережья. Тулонская измена уничтожила французский Средиземноморский флот. При обратном занятии города там оказалось только 18 судов и уцелела часть складов. Испанский флот, недовольный англичанами, возвратился в свои порты. В 1794 г. контр-адмирал Мартэн с десятью судами вышел из Тулона в открытое море; преследуемый более сильной английской эскадрой, он стал на якорь в заливе Жуан, где начальником артиллерии были оборудованы сильные батареи, чтобы прикрыть его с суши. Спустя некоторое время адмирал воспользовался попутным ветром и ушел в Тулон. Эта эскадра осенью пополнилась судами, вышедшими из тулонского арсенала.

В начале 1795 г. английский адмирал Хотхэм с 15 кораблями, в том числе четырьмя трехпалубными и двумя неаполитанскими, крейсировал между Корсикой и Италией. Адмирал Мартэн, имея эскадру в 16 военных кораблей и 100 транспортов с десантом в 10 000 человек, стоял на рейде Тулона. Мнения о назначении этих сил были различны, пока не

прибыл член Конвента Летурнер (от департамента Ламанш), снабженный чрезвычайными полномочиями. Он объявил, что намерением Комитета общественного спасения является занять Рим, чтобы наказать тамошний двор за оскорбления, которые им ежедневно наносились, и отомстить за смерть Бассвилля. Бассвилль, французский агент при папе, в 1792 г. надел трехцветную кокарду, так же как и французские художники, находившиеся при академии. Большое число французских эмигрантов, живших в этой столице, подстрекали народ. 3 января 1793 г. чернь забросала на прогулке камнями карету Бассвилля. Его кучер свернул в сторону и увез Бассвилля домой. Двери дома были взломаны. Бассвилль получил штыковую рану в низ живота. Его поволокли по улицам в одной рубашке с вывалившимися внутренностями в руках и, наконец, бросили в гауптвахте на походную кровать, где он скончался на следующий день.

Испанский посол Азара, пытавшийся вступить за французских художников, сам подвергся опасности.

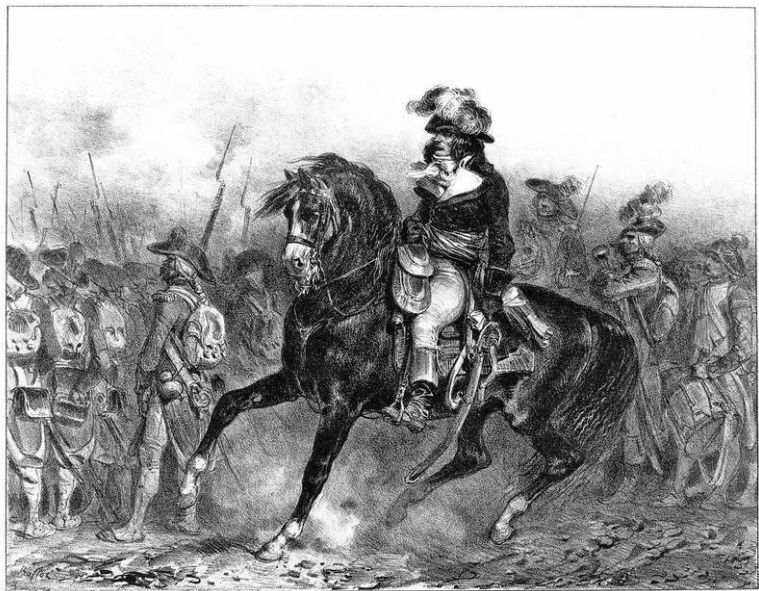
Это убийство возмутило всю Францию. Наступил момент отплатить за него, высадившись в устье Тибра и овладев Римом, где было много приверженцев Франции. В феврале 1795 г. в Тулоне был собран военный совет с целью высказать соображения о способах выполнения этого плана. Наполеон сказал, что эта экспедиция поставила бы под угрозу Итальянскую армию и окончилась бы поражением. Если все-таки намерены ее предпринять, то следовало бы одновремен-

но захватить гору Аржентаро, Орбителло и крепость Чивита-Веккия и там высадить армию; ему казалось слишком мало 10 000 человек для нанесения такого удара. К тому же без кавалерии делать это было нельзя. Нужно было взять на эскадру по меньшей мере 1500 лошадей для егерей или гусар, а это вместе с 500 артиллерийских и штабных лошадей значительно увеличило бы конвой. Армия, едва высадившись, была бы принуждена драться против 25–30 тысяч неаполитанцев, в том числе 5000 человек хорошей кавалерии. Ей также пришлось бы опасаться и австрийской дивизии, которая поспешила бы к ней из Ломбардии. Армии нельзя было рассчитывать на приверженцев в Риме, потому что эта операция долго продолжаться не могла. Отомстив за кровь Бассвилля и наложив контрибуцию на город, армия должна была бы вновь погрузиться на суда. Даже при господстве на море такая операция, предпринятая лишь с 10 000 человек, была бы рискованна; без такого господства армия обрекалась на верную гибель. Это означало, что французская эскадра должна сперва выйти одна, разбить английскую эскадру и изгнать ее из Средиземного моря. После этого выйдет и конвой. Вслед за высадкой десанта эскадра и транспортные суда отправятся к Неаполю, чтобы тревожить тамошний двор и заставить его использовать свои силы только для защиты собственных границ. Народный представитель был особенно недоволен тем, что начальник артиллерии официально не одобрил его предложения, поскольку к мнению последнего присоединились и

другие генералы. Моряки заявили, что для эскадры опасно, если транспорты выйдут в открытое море, пока в этих местах крейсирует неприятельский флот. Было решено, чтобы контр-адмирал Мартэн вышел в море один и прогнал англичан.

Он отплыл 1 марта. Прибыв к Сен-Флорану, он захватил английский 74-пушечный корабль «Бервик», вышедший с этого рейда. Французская и английская эскадры встретились 8-го в Ливорнском канале. При виде противника решительность Летурнера ослабела: он приказал отступить. Английский флот в свою очередь начал тогда преследование. 13-го обе эскадры были на траверсе мыс Ноли – генуэзская Ривьера. Ночью 74-пушечный корабль «Меркурий» и трехпалубный «Санкюлот» отделились от эскадры. На следующий день с рассветом «Са Ира» – 74-пушечный корабль, лишившись мачты от столкновения с кораблем «Виктуар», потерял управление; «Сенсер» взял его на буксир. Оба флота были равны по числу кораблей, но не по силе; французская эскадра в 15 судов уменьшилась до 13, из которых не было ни одного трехпалубного. Английская эскадра из 13 судов имела четыре трехпалубных. Французская эскадра продолжала отступать, но не смогла избежать двух столкновений: «Сенсер» и «Са Ира» сражались против одного трехпалубного и двух 74-пушечных английских кораблей. «Тоннан», «Дюкен» и «Виктуар» вели бой весь день; остальные корабли французской линии не сражались. После упорного сопро-

тивления «Сенсер» и «Са Ира» были захвачены. Эскадра стала на якорь у Иерских островов, куда подошли и «Сан-кюлот» с «Меркурием». «Са Ира» затонул на рейде Специи. Английский трехпалубный корабль «Илластриоз» затонул после боя. Таким образом, каждая из сторон потеряла по два корабля. Это был первый в ту войну бой на Средиземном море между двумя нациями. Следует думать, что если бы французская эскадра провела бой в Ливорнском канале, она сумела бы поддержать честь знамени.

Народный представитель в Рейнской армии в 1794 г. Ху-

Но это событие оказалось весьма удачным для республики. В случае успеха английские корабли ушли бы в Гибралтар, а наш конвой вышел бы в море. Эта плохо рассчитанная и лишенная разумной цели экспедиция могла иметь только самый печальный исход. Войска высадились и были отправлены в Ниццу, где очень пригодились два месяца спустя для обороны границы этого графства против атак австрийского генерала Девенса. Эта затея стоила несколько миллионов, но имела важные результаты. Великий герцог Тосканский признал республику и в качестве посла отправил в Париж графа Карлетти. Конвент принял его 14 марта 1795 г. Венецианская республика, отказавшаяся войти в коалицию и принявшая французского агента, назначила своим послом знатное лицо Квирини. Назначение его состоялось 14 марта. Генуя укрепилась в соблюдении нейтралитета. Неаполитанский король вступил в коалицию, как только английская и испанская эскадры приобрели господство на Средиземном море; он во многом содействовал обороне Тулона. Но этот государь, так же как Рим, король сардинский, герцоги моденский и пармский, должен был склониться перед мощью республики в кампанию 1796 г.

V

С 9 термидора (27 июля 1794 г.) юг Франции был в большом возбуждении. Марсельский революционный трибунал отправил на эшафот весь именитый торговый люд этого города. Якобинцы из народных клубов еще удерживали власть; они оплакивали гибель Горы и возмущались действовавшими тогда умеренными законами. С другой стороны, волновались остатки партии секций, хотя и ослабленной эмиграцией и всякого рода потерями; эту партию вдохновляла жажда мести. Население Тулона, все рабочие арсенала, экипажи эскадры шли за якобинцами; они с неудовольствием взирали на народных представителей Марьетта и Камбона, которых обвиняли в принадлежности к партии реакционеров. В этой обстановке один французский корабль привел в Тулон захваченное испанское судно. На нем было человек двадцать эмигрантов, главным образом членов семейства Шабрийян. Произошли шумные собрания в арсенале и на улицах: толпа бросилась к тюрьмам, чтоб перерезать этих несчастных. Народные представители отправились в арсенал; они держали речи и в зале, где собрались офицеры из администрации, и в мастерских среди рабочих, обещая в 24 часа предать эмигрантов суду чрезвычайной комиссии. Но так как они сами были под подозрением, то их речи были дурно истолкованы. Кто-то произнес во всеуслышание: «На фонарь покровите-

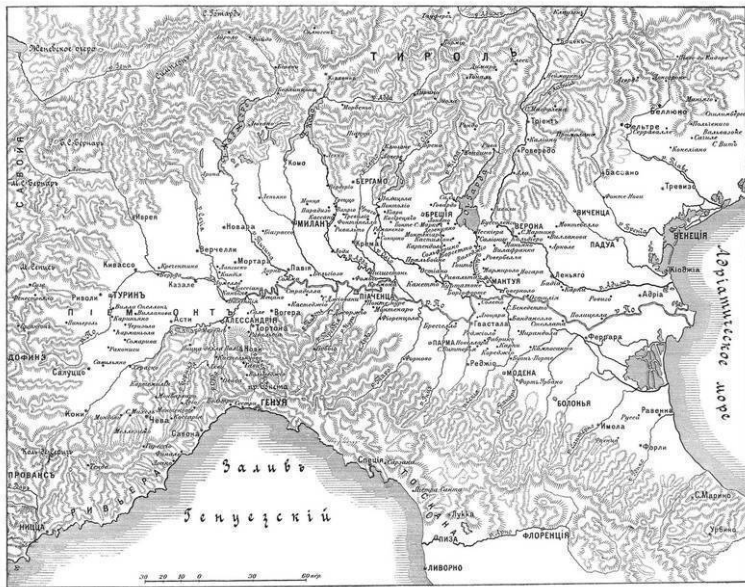
лей эмигрантов!» День был почти на исходе; начинали зажигать фонари. Шум становился ужасающим, толпа – все более беспокойной. Спешно прибыла национальная гвардия, но ее оттеснили. В это время начальник артиллерии заметил среди организаторов беспорядков нескольких канониров, служивших под его начальством при осаде Тулона. Он взобрался на помост; канониры заставили отнестись с уважением к своему генералу и соблюдать тишину. Ему удалось произвести выгодное впечатление и успокоить страсти слепой толпы. Народные представители вышли из арсенала целыми и невредимыми. Но еще больший беспорядок царил на улицах. У ворот тюрем сопротивление стражи начинало ослабевать; он туда отправился; напор толпы удалось сдержать. Он пообещал, что на следующий день с рассветом эмигранты будут доставлены в суд и судимы. Было бы, однако, нелегко доказать то, что было очевидно, а именно что поступки эмигрантов не попадали под действие закона, ибо они не нарушили запрета возвращаться на родину. Ночью он распорядился усадить их в зарядные ящики и вывезти за город под видом артиллерийского транспорта. На Иерском рейде их ожидало судно, на которое они взошли и были таким образом спасены.

Брожение в Тулоне возрастало все более и более, и, наконец, 30 мая чернь взялась за оружие и подняла восстание. Народные представители, находившиеся в городе, частью были арестованы, частью бежали. Но в Марселе народ-

ные представители одержали верх и двинулись против Тулона. Тулонцы вышли к ним навстречу с 3000 человек и двумя пушками. На высотах Кюж произошел бой. Победа клонилась на сторону тулонцев, пока не прибыл генерал Пакто с линейными войсками. Несколько дней спустя Тулон покорился. Эти события произошли через месяц после того, как Наполеон покинул Прованс.

VI

Правительственными комитетами был составлен список генералов, которые должны были быть назначены на должности в кампанию 1795 г. Большое число офицеров, удаленных из армии с конца 1792 г. и в 1793–1794 гг., были взяты на службу. Оказалось много артиллерийских генералов, которых нельзя было никуда назначить. Наполеону тогда исполнилось двадцать пять лет, он был самый молодой из всех. Его занесли в список пехотных генералов, с правом перевода в артиллерию, когда откроется вакансия. Он был принужден покинуть Итальянскую армию, когда Келлерман только что принял над ней командование. Он совещался с этим генералом в Марселе, сообщил ему все, что тот желал, и отправился в Париж. В Шатильон-сюр-Сен, у отца капитана Мармона, своего адъютанта, он узнал о событиях 1 прериаля и решил переждать там – несколько дней, пока в столице не восстановится спокойствие.

Карта из «Военной энциклопедии» (СПб., 1911–1915)

Прибыв в Париж, Наполеон представился Обри, члену Комитета общественного спасения, который делал доклады о военных кадрах. Наполеон уведомил его, что он командовал артиллерией при осаде Тулона и в Итальянской армии в течение двух лет, организовывал береговую оборону Средиземного моря и что ему тяжело бросить род войск, в котором он служит с юности. Обри возразил, что артиллерийских генералов очень много, что он самый младший и, как только

будет вакансия, его призовут. Но сам Обри еще за полгода до этого был капитаном артиллерии; он не воевал с начала революции и все же записал себя дивизионным генералом, инспектором артиллерии. Несколько дней спустя Комитет общественного спасения дал Наполеону приказ отправиться в Вандейскую армию для командования пехотной бригадой; в ответ он подал прошение об отставке. Между тем деятельность Обри вызывала много нареканий; перемещенные офицеры толпами стекались в Париж; многие из них были выдающимися людьми, но большинство не имело никаких достоинств и выдвинулось через клубы; но все они, зная, что репутация Наполеона ничем не запятнана, в своих жалобах и петициях называли его как жертву несправедливости и пристрастности Обри.

Спустя восемь дней после того, как Наполеон подал в отставку, и в то время, как он ожидал ответа из Комитета общественного спасения, Келлерман был разбит, потерял свою позицию у Сан-Джиакомо и написал, что, если ему срочно не помогут, он будет вынужден оставить даже Ниццу. Поднялась большая тревога. Комитет общественного спасения вызвал всех депутатов, побывавших в Итальянской армии, чтобы получить от них сведения. Все они единодушно называли Наполеона, как лучшего знатока позиций, занимаемых армией, и как более всех способного указать, что следует предпринять. Он получил распоряжение явиться в Комитет и участвовал в ряде совещаний с Сийесом и Дульсе-Пон-

текуланом, Летурнером и Жаном Дебри. Он составил инструкции, которые были одобрены Комитетом. Он был назначен специальным декретом бригадным генералом артиллерии для особых поручений по руководству военными операциями, впредь до дальнейших распоряжений. Именно в этой должности он провел два или три месяца до 13 вандемьера.

VII

19 мая 1795 г. Келлерман принял командование Итальянской армией. Она была тогда на позициях, куда поставил ее Наполеон в октябре предыдущего года после боя у Кайро. Позиции эти были следующие: левый фланг (5000 человек) тянулся от Аржантьерского до Сабионского перевала; центр под командованием генерала Маккара в составе 8000 человек занимал Сабионский перевал, Тендский перевал, Monte⁴ Бернар, Танарелло; правый фланг занимал перевал Термини, высоты Ормеа, перевалы Сан-Бернардо, Бардинетто, Сеттепани, Мелоньо, Сан-Джиакомо, Мадона, Вадо; он состоял из 25 000 человек под начальством дивизионных генералов Серюрье, Лагарпа и Массена.

Венский двор был сильно встревожен исходом боя у Кайро и диспозицией, которая была принята французской арми-

⁴ Гора (*ит.*).

ей в конце 1794 г. Эта армия угрожала Генуе, потеря которой дала бы ей возможность пройти в Миланскую область. Придворный военный совет сосредоточил для кампании 1795 г. под командованием генерала Девенса армию в 30 000 австрийцев для действий совместно с Пьемонтской армией. Английская эскадра крейсировала у побережий Савоны и Вадо для содействия операциям австрийского генерала, перенесшего свою главную квартиру последовательно в Акви и в Дега, а оттуда двинувшегося на савонские возвышенности, которыми он и овладел 23-го; здесь он вошел в связь с английской эскадрой.

Генерал Девенс разделил свою армию на три корпуса, которые покинули горы 23 июня. Правый, состоявший из пяти колонн, атаковал левый французский фланг от перевала Термини до высот Ормеа; центральный – двинулся тремя главными колоннами, которые затем разделились на много меньших, и атаковал все позиции от Бардинетто до Сан-Джиакомо; левый – атаковал правый фланг на позициях у Вадо. 25-го и 26-го повсюду шел ожесточенный бой; французская армия сохранила свои позиции, кроме Мелоньского редута, перевала Спинардо и Сан-Джиакомского хребта. Владея Мелоньским редутом, противник угрожал центру армии. Эта позиция была удалена от Финале – на морском побережье – только на два лье. 27-го Келлерман, чувствуя всю важность возвращения ее, приказал атаковать, но потерпел неудачу. 28-го он начал отступление, очистил Сан-Джиакомо, Вадо,

Финале и занял временную позицию; наконец, 7 июля, получив приказы Комитета общественного спасения в ответ на его донесения от 24, 25, 26, 27 и 28 июня, он тотчас же занял позицию Боргетто.

Келлерман был доблестный солдат, чрезвычайно энергичный, имел много ценных качеств, но был совершенно лишен способностей, необходимых для главнокомандующего. Во время этой войны он делал только ошибки. Комитет послал ему замечания:

«Армия в 1794 г. не растягивалась дальше высот Танаро и протянула свой правый фланг через Бардинетто, Мелоньо, Сан-Джиакомо только для того, чтобы помешать австрийской армии установить связь с английской эскадрой и чтобы поспешить на помощь Генуе, если противник пойдет на этот город морем или через Бокеттский перевал. Армия занимала Вадо не как оборонительную, но как наступательную позицию, чтобы было больше возможностей напасть на противника, если он покажется на Ривьере. Как только австрийцы двинулись на Савону, армия должна была тотчас же выступить и завязать бой, помешав им овладеть этим городом, и перехватить пути сообщения с Генуей. Поскольку же она этого не смогла сделать, то: 1) ей следовало очистить Вадо для того, чтобы опереться своим правым флангом на Сан-Джиакомо, 2) когда же вследствие результатов боя 25-го числа противник овладел Мелоньо и гребнем Сан-Джиакомо, ей следовало ночью, воспользовавшись успехом, кото-

рого добился на ее правом фланге генерал Лагарп, эвакуировать Вадо и использовать войска Лагарпа для усиления атаки на Сан-Джиакомо и Мелоньо; эта атака увенчалась бы полным успехом; 3) когда 27-го числа Келлерман решился атаковать Мелоньо, было еще время подтянуть правый фланг так, чтобы этот фланг принял участие в атаке, используя при этом новые преимущества, которых он добился 26-го в бою против левого фланга противника. Этот маневр еще мог обеспечить победу».

Франсуа-Кристоф Келлерман, герцог де Вальми (1735–

1820). *Гравюра Э. Тома по рисунку А. Руссо. Из «Альбома столетия...» (Париж, 1889)*

Эти замечания, написанные рукою мастера, очень изумили штаб, который, однако, скоро догадался, кем они были продиктованы.

На Западной Ривьере имеются для прикрытия графства Ницца и преграждения доступа на самую Ривьеру три линии, примыкающие правым флангом к морю и левым – к главному хребту гор. Первой линией является линия Борджетто, вторая – линия Монте-Гранде, третья – линия Таджа. Наполеоном задолго до этого были обследованы эти три линии в сопровождении помощника бригадного генерала Сент-Илера, доблестного и отличного офицера, покрывшего себя затем славой в ста сражениях и погибшего дивизионным генералом на полях Эсслинга. Линия Борджетто примыкала правым флангом к морю, у д. Борджетто, в одном лье от Лоано, оканчиваясь холмом, господствующим над всей долиной Лоано, а левым – примыкала к отдельно стоящей большой скале. Массена распорядился соорудить на этой скале редут, который в армии был назван Малый Гибралтар, в память о форте Мюрgrav в Тулоне; редут был напротив Шан-де-Претр. Оттуда коммуникации шли по обрывистым горам до высот, господствующих над Ормеа, Лоано и Рокка-Барбона. Горы Сан-Бернардо и Гарессио находились вне этой линии и, естественно, принадлежали противнику, но Ормеа был защищен

от него. Эта линия чрезвычайно сильна. Протяжение ее 5–6
лье, но почти повсюду она недоступна. Атаковать ее можно
только через Сукарельский проход, где имеется одноимен-
ный замок, который подготовили к бою. Это был прекрас-
ный боевой участок. В течение июля, августа и – сентября
Девенс несколько раз намеревался атаковать эту линию, но
ни разу не рискнул сделать это серьезно. От Сукарелло ли-
ния уклоняется к Альбенга, проходя позади небольшого ру-
чейка Арозойя: это надежная позиция на случай, если часть
линии от Сукарелло до Боргетто будет форсирована.

Бартеlemi Луи Жозеф Шерер (1747–1804). *Художник Ж.-Э. Даржан. Из «Альбома столетия...» (Париж, 1889)*

Позиция Монте-Гранде, опирающаяся на перевалы Пиццо и Меццалуна и примыкающая к морю позади Сан-Лоренцо, является линией значительно менее хорошей, но все-таки очень сильной. Та линия, которая опирается правым флангом на устье р. Таджа, центром на Монте-Сеппо и левым флангом на Монте-Танарда и Ардентский перевал, откуда сообщается с Тендским перевалом, является менее сильной, чем линия Борджетто, но более сильной, чем линия Монте-Гранде. Первая линия прикрывает Онелья и все позиции Ривьеры от Онелья до Борджетто. Вторая линия прикрывает Онелья и Ормеа и все выходы из долины Танаро. Третья прикрывает всю часть Западной Ривьеры от Онелья до Сан-Ремо. Особенностью этой линии является то, что она защищает Сан-Ремо, и в случае необходимости этот город можно оставить и опереться на Ospitaletto, между ним и Бордигера, образовав таким образом другую, не менее надежную линию. Противник может обойти первую линию через долину Танаро и, овладев Монте-Ариоло, угрожать затем нападением на Монте-Гранде и на Онелья, но Ормеа и Монте-Ариоло настолько близки от линии, что резервы могут служить для обороны и этих позиций. Ее можно обойти также через Тендский перевал, но это повело бы к изменению театра военных действий. Противник не смог бы произ-

вести таких больших передвижений без того, чтобы об этом не стало известным, а тогда его можно было бы атаковать на марше и уничтожить войска, оставленные им перед линией Боргетто. Вторая линия и особенно третья имеют то преимущество, что их нельзя обойти по долине Танаро, которая находится вне их. Они примыкают к Ардентскому перевалу, вплоть до Тендского. Перевалы Арденте и Танарда не только содействуют обороне Тендского перевала, но даже в случае, если Тендский перевал будет форсирован, все равно перехватывают перед ущельем Саорджио дорогу, ведущую в Ниццу. Следовательно, если даже принять во внимание оборону только графства Ницца, то линию Таджа нужно счесть за лучшую из всех потому, что она позволяет сосредоточить все войска в недалеком расстоянии от Тандского перевала и оборонять его.

VIII

Правительство решило, что командование Итальянской армией не под силу Келлерману. В сентябре оно отправило его командовать Альпийской армией и вверило Итальянскую армию генералу Шереру, бывшему главнокомандующему армией Восточных Пиренеев, ставшею ненужной в результате заключения мира с Испанией.

Шерер привел в Италию подкрепление из двух хороших дивизий. Австрийская армия также была усилена. Она не

оправдала в кампанию 1795 г. надежд, возлагавшихся на нее двором, но все же достигла важных успехов: овладела Сан-Джиакомской позицией и позицией Вадо, отрезала Геную и установила связь с английской эскадрой. В начале ноября французская армия занимала пятью дивизиями все ту же линию Боргетто: одна под начальством генерала Серюрье была в Ормеа, две дивизии под начальством генералов Массена и Лагарпа были в Сукарелло и в Капель-Веккио, а две под начальством генералов Ожеро и Соре – около Боргетто. В строю было 35–36 тысяч человек. Главная квартира австрийской армии была в Финале. Правый фланг армии, состоявший из пьемонтцев, находился в Гарессии; центр, под начальством Аржанто, – в Рокка-Барбона, а левый фланг, целиком состоявший из австрийцев, – перед Лоано, где было возведено много редутов для обороны равнины. В строю было 45 000 человек. Осенние заболевания причинили ей, так же как и армии пьемонтской, значительные потери. Французской армии приходилось трудно. Наступившая осень побуждала к занятию зимних квартир. Шерер решился рискнуть на сражение, которое восстановило бы связь с Генуей и вынудило бы противника зимовать по ту сторону гор.

21 ноября вечером Массена перешел в наступление со своей дивизией и дивизией Лагарпа. На рассвете он атаковал неприятельский центр, расположенный в Рокка-Барбона, сбил его, преследовал по пятам, сбросил в Бормиду, овладел Мелоньо и закончил день, выставив авангард на высо-

тах Сан-Джиакомо. 22-го на рассвете Серюрье вступил в перестрелку с правым флангом противника и сковал всю пьемонтскую армию. Ожеро повел наступление через Борgetto, атаковал левый фланг противника и овладел всем его расположением. Противник быстро отошел на Финале и поспешно продолжал отступление на Савону, когда увидел, что Массена уже занимает сан-джиаккомские высоты. Серюрье, сковавший своими маневрами вдвое превосходящего противника, не неся при этом больших потерь, был усилен 23-го двумя бригадами. 24-го он предпринял серьезную атаку и отбросил пьемонтскую армию в укрепленный лагерь Чева. Армии австрийская и сардинская понесли очень чувствительные потери. Они оставили большую часть своей артиллерии, склады, обозы и 4000 пленных. Французская армия в этот день покрыла себя славой. Австрийская армия покинула всю генуэзскую Ривьеру и ушла на зимние квартиры на другую сторону Апеннин. Та и другая армии перешли на зимние квартиры. Коммуникации французов стали свободны. Главная квартира возвратилась в Ниццу. Так закончился 1795 год.

Итальянская кампания 1796–1797 гг.

Глава I Состояние различных итальянских государств в 1796 г.

Сардинский король владел Савойей, графством Ницца, Пьемонтом и Монферратом. Савойя и графство Ницца были у него отняты в кампании 1792, 1793, 1794 и 1795 гг., и французская армия заняла главный хребет Альп. Пьемонт и Монферрат, лежащие между р. Тичино, пармскими владениями, Генуэзской республикой и Альпами, были населены 2 миллионами человек, так что число подданных сардинского короля достигало 3 миллионов, включая сюда 500 000 сардинцев, 400 000 савойцев и жителей Ниццкого графства. В мирное время армия сардинского короля насчитывала 25 000 человек. Его доходы были равны 25 миллионам. Во время кампании 1796 г. его армия с помощью английских субсидий и при чрезвычайном напряжении всех сил достигла 60 000 человек. Это были национальные войска, закаленные в долгой войне. Крепости Брунетто, Суза, Фенестрелла, Бар,

Тортонa, Кераско, Алессандрия и Турин были в отличном состоянии, хорошо вооружены и полностью снабжены припасами. Эти крепости, расположенные у всех горных перевалов, позволяли считать данную границу неприступной.

Генуэзская республика, к югу от Пьемонта, состоявшая из Западной Ривьеры с побережьем в 30 лье и из Восточной с побережьем в 25 лье, насчитывала 500 000 жителей.

Она держала под ружьем только 4000 человек, но в случае нужды все генуэзские граждане становились солдатами, а кроме того, призывались 8–10 тысяч человек из императорских поместий и долин Фонтана-Буона. Небольшая крепость Гави обороняла Бокеттский перевал.

Республика Лукка, небольшая страна, расположенная вдоль Тосканского моря, имела 140 000 человек населения и 2 миллиона дохода. Герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла имели 500 000 жителей. Они граничили с Генуэзской республикой, рекой По и владениями Модены. Военные силы составляли 3000 человек, и доход был 4 миллиона.

Австрийская Ломбардия, отделенная от владений сардинского короля р. Тичино, от Швейцарии – Альпами, от герцогства Пармского – р. По и граничащая на востоке с владениями Венецианской республики, имела население в 1 200 000 человек. Главным городом ее был Милан; его цитадель была в хорошем состоянии. Эта часть Италии, принадлежащая Австрии, не имела вооруженных сил и даже платила налог за освобождение от рекрутских наборов. В Австрии имелся только один полк из итальянцев – полк Страсольдо. Павия, Милан, Комо, Лоди, Кремона и Мантуя составляли отдельные провинции Ломбардии. Укрепления Пипцигетоне на Адде были в плохом состоянии. Мантуя, хотя и запущенная, была хорошей крепостью.

Венецианская республика имела к западу от себя австрий-

скую Ломбардию, к северу – Кадорские Альпы, отделявшие Тироль от Каринтии, к востоку – Каринтию, Карниоль, Истрию и Далмацию. Ее население состояло из 3 миллионов человек. Она могла выставить армию в 50 000 человек. Ее флот господствовал в Адриатическом море. У нее имелось 13 полков из словенцев; это были хорошие солдаты. Бергамо, Брешиа, Кремона, Полезино, Верона, Виченца, Фельтре, Беллуно, Падуя, Бассано, Тревиза, Фриуль были ее владениями на правом берегу Изонцо; Истрия и Далмация составляли ее владения на адриатическом побережье.

Великое герцогство Модена состояло из герцогств Реджио, Модена и Мирандола. Оно граничило с р. По, с герцогством Пармским, легатством Болонским и Тосканскими Апенниннами. Им управлял последний отпрыск дома Эсте. Наследницей была его дочь, жена эрцгерцога Фердинанда Австрийского. Герцог моденский был настоящий австриец. Войск у него имелось 6000 человек, были арсенал, артиллерийский склад и богатая казна. Население его владений превышало 400 000 человек.

Тоскана, ограниченная Средиземным морем, Апенниннами, республиками Генуэзской и Луккской и владениями папы, имела 1 миллион населения. Там царствовал эрцгерцог Фердинанд, брат императора. Войск у него было 6000 человек, доходы равнялись 15 миллионам франков. Важным торговым портом был Ливорно. Великий герцог тосканский признал Французскую республику в 1795 г.; он придержи-

вался нейтралитета и был в мире со всеми. Тоскана и Венецианская республика были единственными итальянскими державами, пребывавшими в мире с Францией.

Папские владения граничили с р. По, Тосканой, Адриатическим и Средиземным морями и Неаполитанским королевством. Их население было равно 2 500 000 человек, из которых в трех легатствах – Болонском, Феррарском и Романском – было 900 000 человек, в Комарке и вотчине св. Петра, включая сюда и Рим, – 1 600 000 человек. Анкона, порт на Адриатическом море, была плохо укреплена. Чивита-Веккия, порт на Средиземном море, была укреплена как следует. Папа имел армию в 4000 или 5000 человек.

Неаполитанское королевство, граничащее с папскими владениями и с морем, имело население в 6 миллионов человек, из которых 4 500 000 на континенте и 1 500 000 в Сицилии. Неаполитанская армия состояла из 60 000 человек, кавалерия была превосходна. Флот состоял из трех линейных кораблей и нескольких фрегатов.

Корсика принадлежала Франции с середины прошлого столетия. Ее население равнялось 180 000 человек; в то время Корсика была под властью Англии.

Остров Мальта имел население в 100 000 человек; им владел орден Мальтийских рыцарей.

Таким образом, в войсках итальянских держав было под ружьем 160 000 человек. Это количество можно было легко увеличить до 300 000 человек. Итальянская армия была

более сильна пехотой, чем кавалерией. За исключением пьемонтцев и словенцев, ее солдаты не представляли большой ценности.

Глава II

Сражение у Монтенотте

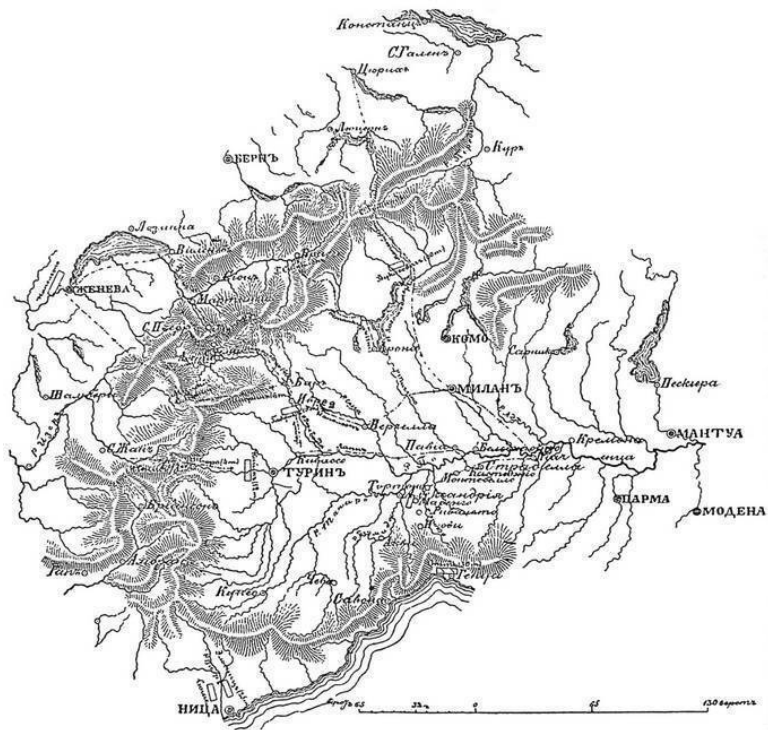
I. План кампании. – II. Состояние армий. – III. Прибытие Наполеона в Ниццу (27 марта 1796 г.). – IV. Сражение у Монтенотте (12 апреля). – V. Сражение у Миллезимо (14 апреля). – VI. Бой у Дего (15 апреля). – VII. Бой у Сан-Микеле (19 апреля). Сражение у Мондови (22 апреля). – VIII. Перемирие в Кераско (28 апреля). – IX. Следовало ли переправляться через По и удаляться еще более от Франции? – X. Адъютант Мюрат проходит через Пьемонт и привозит в Париж известие о победах армии.

I

Сардинский король, прозванный по своему географическому и военному положению привратником Альп, имел в 1796 г. крепости у всех ведущих в Пьемонт перевалов. Чтобы проникнуть в Италию через Альпы, нужно было овладеть одной или несколькими из этих крепостей. Дороги не позволяли везти с собой осадную артиллерию. Горы покрыты снегом три четверти года, и осаде крепостей можно было уделить только очень короткое время. У Наполеона зародилась мысль обойти все Альпы и вступить в Италию через такое

место, где эти высокие горы обрывались и где начинались Апеннины. Монблан является самой высокой точкой Альп, откуда цепь этих гор идет, понижаясь, к побережью Адриатического моря, а также к побережью Средиземного моря до горы Сан-Джиакомо, где они заканчиваются и где начинаются Апеннины, постепенно поднимающиеся к горе Велино у Рима. Гора Сан-Джиакомо, следовательно, является самой низкой точкой Альп и Апеннин – и тем местом, где оканчиваются одни и начинаются другие. Савона, морской порт и крепость, была расположена так удачно, что могла служить складочным местом и опорным пунктом для армии. От этого города до Мадоны 3 мили. Туда вело шоссе. От Мадоны до Каркаре 6 миль. Эту дорогу можно было сделать проходимой для артиллерии в несколько дней. В Каркаре имелись колесные дороги, ведущие вглубь Пьемонта и Монферрата. Это место было единственным, по которому можно было войти в Италию, не встречая гор. Повышение местности здесь настолько незначительное, что впоследствии, во времена империи, возник проект построить канал для соединения Адриатического моря со Средиземным по рекам По, Танаро, Бормида и по системе шлюзов от Бормиды до Савоны. Проникая в Италию через Савону, Кадибону, Каркаре и Бормиду, можно было рассчитывать отделить сардинскую армию от австрийской, потому что это создавало одинаковую угрозу Ломбардии и Пьемонту. Можно было двинуться как на Милан, так и на Турин. Пьемонтцам было выгоднее прикрывать

Турин, австрийцам же – Милан.

Карта из «Военной энциклопедии» (СПб., 1911–1915)

II

Неприятельскими войсками командовал генерал Болье,

отличный офицер, получивший известность в кампаниях на севере. Войска были снабжены всем, что могло сделать их опасными. Они состояли из австрийцев, сардинцев и неаполитанцев, превышали по численности французскую армию вдвое и должны были постепенно увеличиваться контингентами из неаполитанских, папских, моденских и пармских областей. Армия разделялась на две большие группы: австрийская армия в составе четырех пехотных дивизий (42 батальона, 44 эскадрона и 140 пушек) силою в 45 000 человек, под начальством генералов д'Аржанто, Меласа, Вукасовича, Липтая и Себоттендорфа, и сардинская армия, которая состояла из трех пехотных и одной кавалерийской дивизий, всего 25 000 человек и 60 пушек. Последняя находилась под командой австрийского генерала Колли и генералов Прове-ра и Латура. Остальные сардинские войска или составляли гарнизоны крепостей, или под командованием герцога Аосте обороняли границу от французской Альпийской армии.

Французская армия состояла из четырех действующих пехотных и двух кавалерийских дивизий под начальством генералов Массена, Ожеро, Лагарпа, Серюрье, Стенжеля и Кильмэна. Армия имела 25 000 человек пехоты, 2500 кавалерии, 2500 артиллерии, саперные, хозяйственно-административные части и т. д., всего 30 000 человек под ружьем. Списочный состав армии насчитывал 106 000 человек, но 36 000 человек были в плену, умерли или дезертировали. Давно уже собирались провести очередную ревизию, чтобы

вычеркнуть их из списков. 20 000 находились в 8-м военном округе, неся службу в Тулоне, в Марселе, в Авиньоне, от устья Роны до устья Вара. Они могли быть использованы только для обороны Прованса и подчинялись министерству. Оставалось еще 50 000 человек на левом берегу Вара. Из них 5000 человек лежали в госпиталях, 7000 человек состояли в запасных пехотных, кавалерийских (2500 человек без лошадей) и артиллерийских частях. Только 33 000 человек были в состоянии выступить в поход. 8000 человек пехоты и артиллерии составляли гарнизоны Ниццы, Вильфранша, Монако, генуэзского и саорджиоского побережья и стояли в сторожевом охранении на главном хребте Альп от Аржантьерского перевала до Танаро. Кавалерия была в самом дурном состоянии; она долго отдыхала на Роне, но и там плохо обстояло дело с фуражом.

Наполеон в Ницце. Художник Жоб (Ж. Онфруа де Бревиль)

В арсеналах Ниццы и Антиба было много артиллерии, но недоставало перевозочных средств. Все упряжные лошади пали от голода. Финансы были истощены настолько, что, несмотря на все усилия, правительство могло дать армии для открытия кампании только 2000 луидоров золотом и на 1 миллион векселей, часть которых была протестованными. В армии чувствовался недостаток во всем, и надеяться на получение чего-либо из Франции было нельзя. Армия должна была рассчитывать только на победу. Только в равнинах Италии могла она организовать свой транспорт, запрячь ар-

тиллерию, одеть солдат и ремонтировать кавалерию. Между тем во французской армии было только 30 000 человек и 30 пушек. Ей противостояли 80 000 человек и 200 пушек. В генеральном сражении численная слабость, недостаток артиллерии и кавалерии не позволили бы ей долго сопротивляться. Следовательно, ей надо было восполнить недостаток численности быстротой переходов, недостаток артиллерии – характером маневрирования, недостаток кавалерии – выбором соответствующих позиций. Моральное состояние французских солдат было превосходное. Они отличились и получили воинскую закалку на вершинах Альп и Пиренеев. Лишения, бедность и нищета – школа хорошего солдата.

III

Наполеон прибыл в Ниццу 27 марта. Состояние армии, описанное ему генералом Шерером, оказалось еще хуже, чем можно было представить. Хлебом снабжали плохо, мяса не выдавали уже давно. Для перевозок было только 500 мулов. Нельзя было и думать везти с собой больше 30 пушек. Положение ухудшалось с каждым днем, нельзя было терять ни минуты. Армия не могла больше существовать там, где она находилась, следовало или идти вперед, или отступить. Он отдал приказ двинуться вперед, чтобы застать противника врасплах и ошеломить его блестящими и решительными успехами. Главная квартира с начала войны ни разу не по-

кидала Ниццу. Он и ее двинул в поход, направив в Альбенгу. Аппарат управления всегда смотрел на себя как на неподвижное учреждение и больше заботился о своих бытовых удобствах, чем о потребностях армии.

Производя смотр войскам, Наполеон сказал: «Солдаты, вы раздеты, плохо питаетесь, правительство вам много должно и ничего не может дать. Ваши терпение и храбрость, которые вами выказаны среди этих скал, изумительны, но они не приносят вам никакой славы, их блеск не отражается на вас. Я хочу повести вас в самые плодородные равнины мира. Богатые области, большие города будут в вашей власти. Вы найдете там почести, славу и богатство. Солдаты Итальянской армии, неужели не хватит у вас храбрости и выдержки?» Эта речь молодого, двадцатишестилетнего генерала, имя которого заставляло вспомнить действия под Тулоном, Саорджио и Кайро, была встречена одобрительными восклицаниями.

Для того чтобы обойти Альпы и вступить в Италию через Кадибонский перевал, следовало всю армию собрать на ее крайнем правом фланге. Эта операция была бы опасной, если бы снега не покрывали все отроги Альп. Переход из состояния обороны в наступление есть одна из самых сложных операций. Серюрье со своей дивизией был поставлен в Гарессио для наблюдения за позициями Колли около Чева, а Массена и Ожеро – в Лоано, Финале и Савоне. Части Лагарпа были расположены так, чтобы угрожать Генуе; его аван-

гард, под командой бригадного генерала Червони, захватил Вольтри. Французский посланник потребовал в генуэзском сенате пропуска армии через Бокеттский перевал и ключей от форта Гави, заявив, что французы намерены проникнуть в Ломбардию и опираться в своих действиях на Геную. В городе поднялась суматоха: сенат, советы заседали непрерывно. Отзвуки этой суматохи чувствовались в Милане.

IV

Встревоженный Бодье немедленно двинулся на помощь Генуе. Он перенес свою главную квартиру в Нови, разделив армию на три части: правый фланг, состоявший из пьемонтцев под командой Колли с главной квартирой в Чева, получил задачу оборонять линию рек Стура и Танаро; центр под командой д'Аржанто, имея главную квартиру в Саселло, двинулся на Монтенотте, чтоб отрезать французскую армию во время ее перехода к Генуе, обрушившись на ее левый фланг и перехватив в Савоне прибрежную дорогу. Лично Болье с левым флангом двинулся через Бокетта на Вольтри для прикрытия Генуи.

На первый взгляд эти распоряжения кажутся очень разумными, но если разобраться в условиях местности, то становится ясно, что Болье разбросал свои силы потому, что между его центром и левым флангом не было путей сообщения, кроме идущих позади гор, тогда как французская армия, на-

оборот, была расположена таким образом, что могла сосредоточиться в несколько часов и обрушиться всею массою на отдельные корпуса противника; поражение же одного из них неминуемо влекло за собой отступление другого.

Битва при Монтенотте 12 апреля 1796 г. Полковник Рампон защищает редут Монтеледжино. *Художник Р.-Т. Бертон*

Генерал д'Аржанто, командующий центром неприятельской армии, занял Нижнее Монтенотте 10 апреля. 11-го он выступил на Монтеледжино, чтобы через Мадону выйти к

Савоне. Полковник Рампон, которому была поручена оборона трех редутов Монтеледжино, узнав о движении противника, выслал ему навстречу сильную разведку. Она возвратилась назад между двенадцатью и двумя часами дня. Д'Аржанто попытался захватить редуты с ходу; три его последовательные атаки были отражены Рампоном. Так как его войска утомились, он занял позицию с расчетом на следующий день окружить редуты и взять их. Болье со своей стороны вышел 10-го к Генуе. В тот же день он атаковал генерала Червони перед Вольтри. Червони оборонялся целый день. 11-го числа он занял позицию на горе Фурш, вечером и ночью снялся с нее и присоединился к своей дивизии (Лагарпа), занявшей 12-го до рассвета позицию позади Рампона на Монтеледжино. Ночью Наполеон с дивизиями Ожеро и Массена вышел через Кадибонский перевал и Кастелаццо за Монтенотте. С рассветом 12-го д'Аржанто, окруженный со всех сторон, был атакован с фронта Рампоном, с тыла и с флангов Лагарпом и Массена; поражение было полным: войска противника были перебиты, взяты в плен или рассеяны. Четыре знамени, пять пушек и 2000 пленных составили трофеи этого дня.

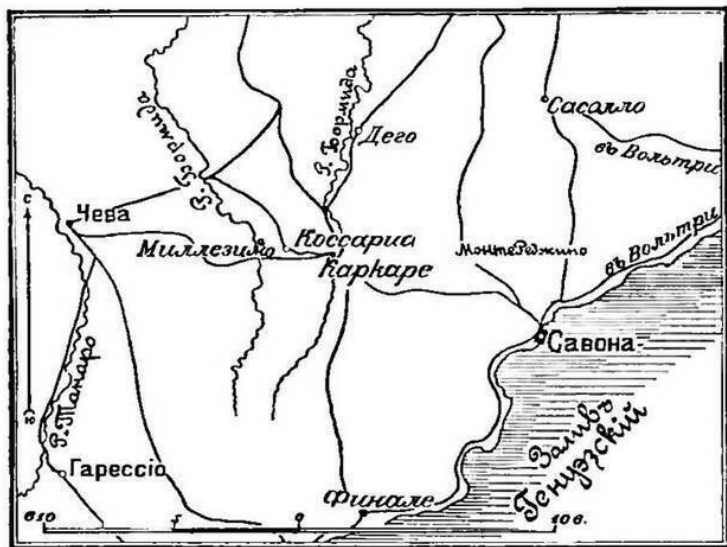
В то же самое время Болье появился в Вольтри, но уже никого там не застал. Он завязал там беспрепятственно сношения с английским адмиралом Нельсоном. Только днем 13-го этот генерал узнал о поражении под Монтенотте и о выходе французов в Пьемонт. Ему пришлось быстро повернуть свои войска назад и снова двигаться по тем же плохим дорогам,

какими его заставил пользоваться принятый им план. Обход получился столь дальний, что только часть его войск могла два дня спустя прибыть в Миллезимо, и потребовалось 12 дней для эвакуации складов из Вольтри и Бокетта. Для обеспечения эвакуации ему пришлось оставить там часть войск.

V

12 апреля главная квартира армии прибыла в Каркаре. Пьемонтцы отступили на Миллезимо, а австрийцы на Дего. Эти две позиции имели связь через пьемонтскую бригаду, занимавшую высоты Биестро. В Миллезимо пьемонтцы оседлали дорогу, прикрывающую Пьемонт. К ним присоединился Колли со всеми, кого он мог снять с правого фланга. В Дего австрийцы стояли на позиции, защищающей дорогу в Акви, – прямой путь в Миланскую область. К ним присоединился Болье со всем тем, что он смог вывести из Вольтри. Занимая данную позицию, этот генерал мог получать все подкрепления, какие была способна дать ему Ломбардия. Таким образом, два основных выхода в Пьемонт и в Миланскую область были прикрыты. Противник надеялся, что у него хватит времени укрепиться на них. Каковы бы ни были преимущества, полученные французами в результате сражения у Монтенотте, превосходство в численности дало противнику возможность восполнения своих потерь. Но 14 апреля сражение у Миллезимо открыло обе дороги – и в Ту-

рин, и в Милан.

Район Коссарии (Коссария) на северо-западе Италии. Из «Военной энциклопедии» (СПб., 1911–1915)

Ожеро с левым флангом армии двинулся на Миллезимо, Массена с центром направилась на Биестро и Дего, а Лагарп с правым флангом пошел на высоты Кайро. Таким образом, французская армия занимала четыре лье пространства от правого фланга к левому. Противник, заняв холм Коссария, господствовавший над обоими рукавами Бормиды, опирал-

ся на него своим правым флангом. Но 13-го генерал Ожеро, войска которого не участвовали в сражении под Монтенотте, ударил в правый фланг противника с такой стремительностью, что выбил его из миллезимских ущелий и окружил холм Коссария. Австрийский генерал Провера с его арьергардом силою в 2000 человек был отрезан. В этом безнадежном положении он отбивался отважно. Провера укрылся в старом разрушенном замке и там забаррикадировался. С этой высоты ему был виден правый фланг сардинской армии, подготовлявшийся к бою на следующий день. Провера надеялся, что эти войска его выручат. Наполеон понимал необходимость овладеть замком Коссария в тот же день, 13-го. Но эта позиция была слишком сильной, несколько атак захлебнулись. На следующий день началось сражение между двумя армиями. После упорного боя Массена и Лагарп захватили Дега, а Менар и Жубер – высоты Биестро. Все атаки Колли для выручки Коссарии были тщетны; он был разбит и преследуем по пятам. Тогда Провера, отчаявшись, сложил оружие. Неприятель, энергично преследуемый по ущельям Спиньо, по дороге в Акви, 400 всадниками 22-го конно-егерского, 7-го гусарского и 15-го драгунского полков, оставил 30 орудий с упряжками, 60 зарядных ящиков, 15 знамен и 6000 пленных, среди которых находились два генерала и 24 старших офицера. Главнокомандующий находился повсюду в наиболее решительные минуты.

С этих пор разделение армий австрийской и сардинской

стало ярко выраженным. Больше перенес свою главную квартиру в Акви, по дороге в Миланскую область, а Колли направился в Чева прикрывать Турин и предотвратить соединение Серюрье с главными силами.

VI

Между тем 15 апреля в 3 часа утра в Дегио прибыла австрийская гренадерская дивизия Вукасовича, направленная из Вольтри через Саселло. На позиции оставались лишь несколько французских батальонов. Гренадеры легко захватили селение, и во французской главной квартире поднялась большая тревога. Трудно было понять, каким образом противник мог оказаться в Дегио, когда аванпосты, выставленные на дороге в Акви, не были потревожены. Наполеон двинулся туда. После двухчасового жаркого боя Дегио был взят обратно, и неприятельская дивизия почти вся была пленена или перебита. Победу обеспечил помощник генерала Ланюсс, впоследствии дивизионный генерал, давший в 1801 г. на поле сражения у Александрии, в Египте. В момент, когда исход боя еще не определился, он во главе двух батальонов легких войск взобрался по левому откосу холма Дегио. Батальоны венгерских гренадер ринулись, чтобы помешать их подъему. Обе французские колонны три раза принимались двигаться вперед и были отброшены назад. В третий раз Ланюсс, подняв шляпу на конце своей шпаги, отважно

выступил вперед и обеспечил победу. За этот поступок, происшедший на глазах у главнокомандующего, он был произведен в чин бригадного генерала. Генералы Косе и Банель были убиты. Они прибыли из армии Восточных Пиренеев. Офицеры, служившие в этой армии, выказали исключительную храбрость и напористость.

В Дего Наполеон в первый раз заметил одного батальонного командира, которого назначил командиром полка, – это был Ланн, сделавшийся впоследствии маршалом империи, герцогом Монтебелльским и выказавшим величайшие дарования. В дальнейшем он принял большое участие во всех событиях.

После сражения у Дего боевые действия были направлены против пьемонтцев. В отношении австрийцев удовлетвоались тем, что оказывали им сопротивление. Лагарп наблюдал за Сан-Бенедетто на р. Бельбо. Больше занимался лишь сбором и переформированием остатков своей ослабленной армии. Дивизия Лагарпа, принужденная задержаться несколько дней на этой позиции, страдала от недостатка продовольствия и транспорта, а также истощения местности, где перебивало столько войск. В дивизии имели место случаи грабежа.

Серюрье, узнав в Гарессии о сражениях у Монтенотте и Миллезимо, овладел высотой Сан-Джованни-ди-Муриальто и вошел в Чева в тот же день, когда Ожеро прибыл на высоты Монте-Чемото. 17-го Колли после безуспешного сопро-

тивления очистил укрепленный лагерь Чева, переправился через Танаро и отошел за р. Корсалья, заняв правым флангом Мадона-Вико. В тот же самый день главнокомандующий перенес свою главную квартиру в Чева. Противник бросил здесь полевую артиллерию, увезти которую у него не было времени, и ограничился тем, что оставил гарнизон в форту.

Прибыв на высоты Монте-Чемото, армия залюбовалась величественным зрелищем: перед ней открывался вид на обширные и плодородные равнины Пьемонта; По, Танаро и другие реки извивались вдаль; белый пояс снега и льда, протянувшийся на головокружительной высоте, стягивал у горизонта этот богатый бассейн земли обетованной. Пали, как бы по волшебству, чудовищные препятствия, казавшиеся гранью иного мира, которые природа создала такими грозными, а люди, ничего не жалея, еще усилили своим искусством. «Ганнибал форсировал Альпы, – сказал Наполеон, устремив свой взор на эти горы, – ну, а мы их обошли». Удачная фраза, выразившая в двух словах смысл и сущность кампании.

Армия переправилась через Танаро. Теперь, когда она в первый раз очутилась на равнине, почувствовалась необходимость иметь кавалерию; командовавший ею генерал Стенгель переправился через Корсалья у Лезеньо и произвел разведку местности. Главная квартира прибыла в замок Лезеньо, на правом берегу этой реки, около впадения ее в Танаро.

VII

20 апреля генерал Серюрье двинулся через мост Сан-Микеле, чтобы атаковать правый фланг армии Колли, в то время как Массена переправился через Танаро для обхода ее левого фланга. Но Колли, понимая, что его позиция плоха, оставил ее в течение ночи и сам двинулся на свой правый фланг, чтобы расположиться у Мондови. Случайно перед Сан-Микеле он по счастливому для него стечению обстоятельств очутился у переправы в то самое время, когда Серюрье спускался с моста. Колли остановился, развернул численно превосходящие силы и вынудил Серюрье к отступлению. Однако Серюрье мог бы удержаться в Сан-Микеле, если бы один из его легких пехотных полков не бросился грабить. 22-го Серюрье перешел через мост в Торре, Массена – в Сан-Микеле и главнокомандующий – в Лезеньо. Эти три колонны направились на Мондови. Колли возвел уже здесь несколько редутов и занял позиции правым флангом в Мадона-Вико и левым флангом в Бикок. Серюрье овладел редутом Бикок и решил участь сражения у Мондови. Этот город со всеми складами попал в руки победителя.

Жан Матье Филибер Серюрье (1742–1819). *Гравюра Э. Тома с оригинала А. Руссо. Из «Альбома столетия...» (Париж, 1889)*

Генерал Стенжель с отрядом всадников, превышавшим тысячу человек, преследуя противника по равнине, слишком отделился от своих и был атакован отважной пьемонтской кавалерией, бывшей в очень хорошем состоянии. Он отдал все необходимые распоряжения, которые можно было ожидать от опытного генерала. При отходе на соединение с подкреплениями, во время атаки, он пал, смертельно раненный сабельным ударом. Полковник Мюрат во главе трех кавалерийских полков отбросил пьемонтцев и в свою очередь преследовал их в течение нескольких часов. Генерал Стенжель, эльзасец, был превосходный гусарский офицер. Он служил под командой Дюмурье и в других кампаниях на севере, был ловкий, толковый, проворный человек. В нем сочетались достоинства молодости и зрелых лет. Это был настоящий боевой генерал. За два или три дня до его смерти, когда он первым вошел в Лезенью, туда несколькими часами позже прибыл главнокомандующий, и что бы последний ни потребовал, все было готово: дефиле и броды разведаны, проводники найдены, священник и почтмейстер опрошены, сношения с жителями налажены, в различных направлениях высланы шпионы, письма с почты захвачены, и те из них, которые могли дать сведения военного характера, переведены и изу-

чены, приняты все меры для оборудования продовольственных складов. К несчастью, Стенжель был близорук – существенный недостаток в его положении, оказавшийся для него роковым.

В этом сражении пьемонтцы потеряли 3000 человек, восемь пушек, десять знамен, 1500 пленных, среди которых трех генералов. После сражения у Мондови главнокомандующий двинулся в Кераско. Серюрье направился на Фоссано и Ожеро – на Альба. Боле из Акви с половиной своей армии двинулся на Ницца-делла-Палья для производства диверсии в пользу пьемонтцев, но слишком поздно. Узнав о перемирии в Кераско, он отошел на По.

VIII

Эти три колонны одновременно вступили в Кераско, Фоссано и Альба. Главная квартира Колли была в Фоссано; Серюрье его оттуда выдворил.

Кераско, расположенный у слияния Стуры и Танаро, был крепостью сильной, но плохо вооруженной и совсем без продовольствия, так как находился не на границе. Это приобретение было важным. Тотчас же крепость стали приводить в состояние готовности, а артиллерийские склады были заполнены всем необходимым для завершения ее вооружения. Французский авангард перешел Стуру и продвинулся вперед за небольшой городок Бра. Между тем подход Серюрье поз-

волил связаться через Понте-ди-Нава с Ниццей, откуда стали прибывать материальная часть и подкрепления для артиллерии. Армия в этих боях захватила много пушек и лошадей. Много их было захвачено на равнине Мондови. Через несколько дней после вступления в Кераско армия имела 60 орудий с запасом снарядов и хорошими упряжками.

Солдаты, остававшиеся в течение десяти дней без продовольствия, стали получать его регулярно. Грабеж и бесчинства – обычное следствие быстрых передвижений – прекратились. Была восстановлена дисциплина. Армия быстро изменила свой облик в обстановке изобилия и богатых ресурсов этой прекрасной страны. Кстати, и потери не были так велики, как можно было думать. Быстрота передвижений, стремительность войск и особенно искусство противопоставлять их неприятелю по меньшей мере в равном, а часто и в превосходном числе, в соединении с постоянными успехами, которых войска добивались, – все это сберегло много людей. К тому же потери все время возмещались, так как солдаты стали прибывать через все перевалы, со всех сборных пунктов, из всех госпиталей генуэзской Ривьеры, едва только пронесся слух о победе и изобилии. До тех пор нищета во французской армии была неопишима: офицеры в течение многих лет получали только по 8 франков в месяц жалованья, а штаб совершенно не имел коней. В бумагах маршала Бертье сохранился альбенгский приказ о выдаче в награду каждому дивизионному генералу по три луидора.

Кераско лежит в 10 лье от Турина, в 15 – от Алессандрии, в 18 – от Тортоны, в 25 – от Генуи и в 20 – от Савоны. Сардинский двор не знал, на что решиться; его армия пала духом и частью была уничтожена. Австрийская армия думала только о том, как прикрыть Милан. Весь Пьемонт был сильно возбужден. Двор не пользовался никаким доверием. Он склонился перед Наполеоном и просил перемирия. Многие предпочитали, чтобы армия двинулась на Турин, но Турин был сильной крепостью, и нужны были тяжелые орудия, чтобы разбить ворота. У короля оставалось еще много крепостей, и, несмотря на победы, которые были только что одержаны французами, малейшая их неудача, малейший каприз фортуны могли все перевернуть вверх дном. Две неприятельские армии вместе все еще превосходили французскую, несмотря на все поражения. Они имели значительную артиллерию и особенно кавалерию, еще не имевшую потерь.

Французская армия, несмотря на ее победы, была смущена. Она была поражена величием предприятия. Офицеры, даже генералы, не понимали, как можно думать о завоевании Италии с такой небольшой артиллерией, такой плохой конницей и такой слабой армией, которую болезни и удаление от Франции все больше ослабляли с каждым днем. Следы таких настроений в армии нашли отголосок в приказе, с которым главнокомандующий обратился к солдатам в Кераско:

Генерал Бонапарт, командующий французской армией в Италии. *Английская книжная иллюстрация начала XX в.*

«Солдаты, в течение 15 дней вы одержали шесть побед, взяли 21 знамя, 55 пушек, несколько крепостей и завоевали самую богатую часть Пьемонта, вы захватили 15 000 пленных, убито и ранено вами более 10 000 человек.

До этого времени вы дрались за бесплодные скалы, осе-ненные вашей славой, но бесполезные для отечества. Ныне вы по вашим заслугам сравнялись с армией Голландии и Рейна.

Лишенные всего, вы сами позаботились обо всем. Вы выигрывали сражения без пушек, переходили реки без мостов, шли форсированным маршем без обуви, отдыхали без водки и часто без хлеба. Только республиканские фаланги, только солдаты свободы способны перенести то, что перенесли вы. Да возблагодарят вас за это, солдаты! Признательное отечество обязано вам своим процветанием, и если вы, тулонские победители, провозвестили бессмертную кампанию 1794 г., то ваши теперешние победы предвещают еще более славную.

Обе армии, которые недавно были смело атакованы вами, в страхе бежали от вас. Развращенные люди, смеявшиеся над вашей нищетой и радовавшиеся в своих мечтах успехам ваших врагов, смущены и трепещут. Но, солдаты, вы ничего не сделали, потому что у вас осталось еще дело. Ни Турин, ни Милан не взяты вами. Прах победителей Тарквиния

еще топчут убийцы Бассвилля! Говорят, что среди вас встречаются такие, мужество которых слабеет, кто предпочитает вернуться на вершины Апеннин и Альп. Нет, я не могу этому поверить. Победители при Монтенотте, Миллезимо, Дего, Мондови горят желанием еще дальше распространить славу французского народа!...»

Совещание о перемирии происходило в главной квартире, в доме Сальматориса, в то время дворецкого сардинского короля, а впоследствии префекта дворца Наполеона. Пьемонтский генерал Латур и полковник Лас-Косте⁵ участвовали как представители короля. Граф Латур был старый солдат, генерал-лейтенант сардинской службы, противник всяких новых идей, человек малообразованный, посредственных способностей. Полковник Лас-Косте, уроженец Савойи, был в расцвете сил. Он был красноречив, остроумен и производил выгодное впечатление. Условия, выставленные французами, были следующие: король должен был выйти из коалиции и послать уполномоченного в Париж для заключения окончательного мира. До этого времени сохранится состояние перемирия. Чева, Кони, Тортона или, взамен ее, Алесандрия немедленно должны быть переданы французской армии со всей артиллерией и складами. Французская армия будет занимать всю местность, находящуюся в ее обладании к моменту заключения перемирия. Военные дороги во всех направлениях будут открыты для свободного сообщения из

⁵ Начальник штаба piemontской армии. (Примеч. из франц. издания.)

армии во Францию и обратно. Валенца будет эвакуирована неаполитанцами и немедленно передана французам на то время, пока они не закончат переправу через р. По. Местная милиция разоружается, а регулярные войска распределяются по гарнизонам таким образом, чтобы никак не тревожить французскую армию.

Теперь австрийцев, оставшихся в изоляции, можно было преследовать в глубь Ломбардии, а освободившуюся часть войск Альпийской армии перевести в Италию. Протяжение коммуникаций с Парижем сокращалось наполовину. Наконец, были получены опорные пункты и большие артиллерийские склады для формирования осадного парка и осады самого Турина, если Директория не согласится на мир.

IX

Вслед за заключением перемирия и по занятии крепостей Кони, Тортона и Чева возник вопрос, нужно ли идти вперед и до каких пор. Считали, что перемирие, по которому сдавались все крепости и пьемонтская армия отделялась от австрийской, было полезно. Но не выгоднее ли прежде, чем идти дальше, воспользоваться приобретенными средствами, чтобы произвести сперва революцию в Пьемонте и Генуе?

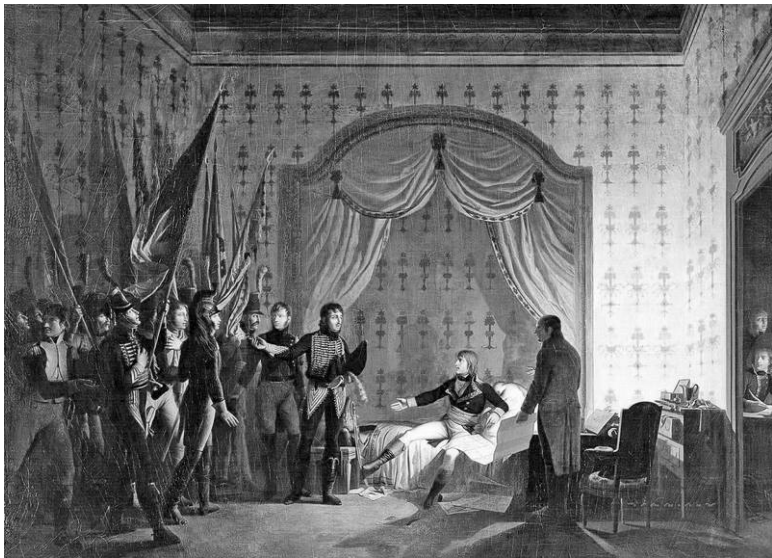
Французское правительство имело право отказаться от переговоров и объявить свою волю, предъявив ультиматум. Но так далеко удалиться от Франции и переправиться через

Тичино, не будучи спокойным за свой тыл, было бы непополитично.

Короли Сардинии, которые были так полезны Франции, пока оставались верны ей, всего более способствовали ее неудачам, как только изменили свою политику. Намерения врагов Франции при этом дворе не могли создавать даже малейших иллюзий. При дворе этом господствовали дворяне и духовенство – непримиримые враги республики. Если бы французы двинулись вперед и потерпели неудачу, чего не следовало бы ожидать от их ненависти? Даже Генуя вызывала большие сомнения. В ней попрежнему господствовала олигархия, и приверженцы Франции, как бы много их ни было, не имели влияния на политику. Генуэзские буржуа были хорошими ораторами, но этим и ограничивались их возможности. Управляли олигархи, они командовали войсками и располагали 10 000 крестьян долин Фонтана-Буона и других, которых они призывали на помощь в случае нужды. Где же следовало остановиться после переправы через Тичино? Нужно ли было переправляться через Адду, Олио, Минчио, Адидже, Brentу, Пьяве, Тальяменто, Изонцо? Мудро ли оставлять у себя в тылу такое многочисленное и враждебно настроенное население? Не лучше ли, чтобы продвинуться дальше, идти тише, создавая себе опору во всех занятых странах, сменяя правительства и вверяя управление людям, придерживающимся одинаковых взглядов с нами и имеющим те же интересы? Если французы дойдут до венециан-

ских владений, не будет ли вынуждена эта республика, располагающая пятидесятитысячным войском, перейти на сторону противника?

На это возражали: французская армия должна использовать свою победу; она должна остановиться только там, где имеется наилучшая оборонительная линия против австрийской армии, которая обязательно выйдет из Тироля и Фриуля. Эта линия – Адидже: она прикрывает всю долину р. По, пересекает всю Среднюю и Нижнюю Италию, изолирует крепость Мантую, и, по всей вероятности, эту крепость можно будет взять раньше, чем армия противника будет в состоянии переформироваться и помочь ей.

Генерал Бонапарт получает трофейные австро-сардинские флаги в Миллезино после сражения у Монтенотте и Коссарии 13 апреля 1796 г. *Фрагмент картины А. Роэна*

То, что маршал Виллар не понимал этого основного принципа, помешало ему достигнуть цели войны в 1733 г. Он находился в октябре во главе 50 000 человек, сосредоточенных в лагере Виджевано. Не имея перед собой неприятельской армии, он мог направиться куда хотел. Он ограничился тем, что расположился как наблюдатель на Олио, по обеим сторонам р. По. Спустя три месяца в Серальо прибыл с войском Мерси. Маршал Куаньи, хотя и командовал армией, которая

на протяжении всего 1734 года намного превосходила силы противника и одержала победу в двух последовательных сражениях под Пармой и Гуасталлой, не смог извлечь из стольких преимуществ никакой пользы. Он маневрировал поочередно то на одном, то на другом берегу По.

Если бы эти генералы хорошо знали топографию Италии, то начиная с ноября Виллар занял бы позицию на Адидже, пересекая, таким образом, всю Италию, а Куаньи воспользовался бы своими победами для того, чтобы отправиться туда же как можно быстрее.

На Адидже имеется возможность возмещать все расходы армии, потому что расходы эти падают на многочисленное население Пьемонта, Ломбардии, легатств Болонья и Феррара, герцогств Парма и Модена.

Боятся, что Венеция выступит против Франции? Лучшее средство помешать ей – это в несколько дней перенести войну в ее пределы. Она к этому не готова, и у нее не будет времени принять решение и сформировать армию. Если армия останется на правом берегу Тичино, австрийцы принудят эту республику выступить вместе с ними, либо же она сама бросится к ним в объятия, побуждаемая политическими настроениями. Сардинского короля можно больше не бояться: его ополчение распущено, англичане прекратят выплату субсидий, а внутреннее положение его страны – самое плохое. Какое бы решение ни принял двор, число недовольных будет увеличиваться; после жара приходит слабость. У него оста-

лось только 15–18 тысяч человек. Разбросанные по многим городам, они едва достаточны для поддержания внутреннего спокойствия.

С другой стороны, недовольство Венского двора против Туринского кабинета будет возрастать. Вена будет упрекать Турин за то, что при первом же проигранном сражении он пал духом, отчаялся в победе общего дела. Совсем не так действовал в 1705 г. Виктор Амедей после победы, одержанной Вандомом у Кассано, когда принц Евгений был отброшен на берега озера Изео, а три французские армии захватили все его владения и даже графство Ницца. У него оставался только Турин, и, однако, он держался стойко и сохранял союз с Австрией. Он за это был вознагражден в следующем году Туринским сражением, когда в результате столь рискованного марша принца Евгения, который фортуна увенчала таким блестящим успехом, к нему вернулись все его владения.

Генуэзских олигархов можно не бояться. Лучшая гарантия против их выступления – те громадные выгоды, которые они извлекают из своего нейтралитета. Хотят защищать принципы свободы в Пьемонте и Генуе, но для этого нужно разжечь гражданскую войну, поднять народ против дворян и духовенства, а это значит взять на себя ответственность за эксцессы, которыми всегда сопровождается подобная борьба. Напротив, прибыв на Адидже, армия сможет овладеть всеми государствами, принадлежащими австрийской дина-

стии в Италии, и всеми папскими владениями по эту сторону Апеннин, сможет провозгласить принципы свободы и возбудить итальянский патриотизм против иноземного господства. Не будет надобности возбуждать раздоры между различными сословиями граждан: дворяне, горожане, крестьяне будут идти сообща к восстановлению итальянской родины. Клич «*Italiam! Italiam!*», раздавшись в Милане, Болонье и Вероне, произведет волшебное действие. Раздавшись же на правом берегу Тичино, он вызовет со стороны итальянцев вопрос: «А почему вы сами не двигаетесь вперед?»

Полковник Мюрат, первый адъютант главнокомандующего, был командирован в Париж с 31 знаменем и договором о перемирии, заключенным в Кераско. Его прибытие в Париж через Мон-Сенис со столькими трофеями и актом о подчинении сардинского короля вызвало в столице большую радость и волну энтузиазма. Адъютант Жюно, отправленный после сражения под Миллезимо по ниццской дороге, прибыл после Мюрата.

Провинция Альба, которую французы полностью заняли, была в Пьемонте областью наиболее оппозиционной по отношению к королевской власти, областью, где революционное брожение было наиболее сильным. Здесь раньше уже происходили волнения; несколько позже они повторились снова. Если пришлось бы продолжать войну с сардинским королем, именно здесь французы нашли бы себе поддержку и наибольшие шансы на восстание.

Таким образом, в течение двух недель первая часть плана была выполнена. Были достигнуты большие результаты: пали пьемонтские крепости в Альпах и коалиция была ослаблена, лишившись державы, которая выставила 60–70 тысяч солдат и имела еще большее значение вследствие своего положения.

В течение месяца с начала этой кампании законодательная власть пять раз выносила постановление, что Итальянская армия хорошо послужила отечеству (в заседаниях 21, 22, 24, 25 и 26 апреля), – и каждый раз за новые победы.

Согласно условиям перемирия в Кераско, сардинский король отправил в Париж графа Ревеля для обсуждения условий окончательного мира. Мир был заключен и подписан 15 мая 1796 г. По этому договору крепости Алессандрия и Кони передавались Итальянской армии, Суза, Брунетто, Экзиль уничтожались и открывались альпийские перевалы. Это отдавало короля на милость республики, у него не оставалось более других укрепленных пунктов, кроме Турина и форта Бар.

Глава III

Сражение у Лоди

I. Переправа через По (7 мая 1796 г.). – II. Бой у Фомбио (8 мая). Смерть генерала Лагарпа. – III. Перемирие с герцогом Пармским (9 мая). – IV. Сражение у Лоди (10 мая). – V. Вступление в Милан (15 мая). – VI. Перемирие с герцогом Моденским (17 мая). – VII. Бертье. – VIII. Массена. – IX. Ожеро. – X. Серюрье.

I

Крепости Кони, Тортонна и Чева были сданы французам в первые дни мая. Массена двинулся со своей дивизией на Алессандрию и захватил здесь много складов, принадлежавших австрийской армии. Главная квартира прибыла в Тортону, проследовав через Альба, Ницца-делла-Палья и монастырь Боско. Тортонна была очень хорошей крепостью; в ней было много орудий и всякого рода боевых припасов.

Болье, потрясенный, отступил за р. По для прикрытия Милана. Он рассчитывал защищать переправу через По напротив Валенцы и, если она будет форсирована, оборонять переправу через Сезию и через Тичино. Он расположил свои войска на левом берегу р. Агонья у Валеджио. Здесь он был

усилен резервной дивизией из десяти батальонов, и его армия снова сравнялась с французской. По всем планам – военным и политическим – французы должны были произвести переправу через По в Валенце; на совещаниях в Кераско было таинственно дано понять, что таково намерение французов. Один параграф соглашения о перемирии предусматривал передачу этого города французам для переправы через реку. Массена, прибыв в Алессанрию, тотчас же выдвинул патрули в направлении Валенцы.

Ожеро вышел из Альба и расположился у устья Скривии. Серюрье направился в Тортону, куда Лагарп прибыл по аквийской дороге. Из гренадеров, собранных со всей армии в числе 3500 человек, было сформировано десять батальонов. С этими отборными войсками, кавалерией и 24 пушками Наполеон направился форсированным маршем к Пьяченце, чтобы захватить там врасплох переправу через По. После переправы остальные французские дивизии должны были оставить свои позиции и поспешно двинуться к Пьяченце.

7 мая, в 9 часов утра, Наполеон прибыл к этому городу, сделав 16 лье в 36 часов. Он выехал на берег реки, где оставался до тех пор, пока переправа не была закончена и авангард не расположился на левом берегу. Паром брал 500 человек и 50 лошадей и совершал переправу в полчаса. Артиллерийский полковник Андреосси, начальник понтонного парка, и помощник генерала Фронтен захватили на участ-

ке р. По от Кастьель-Сан-Джиованни до Пьяченцы десять судов с 5000 ранеными и с медикаментами австрийской армии. Полковник Лани переправился первым с 900 гренадер. Два эскадрона неприятельских гусар тщетно пытались противодействовать высадке. Несколько часов спустя весь авангард переправился на тот берег. В ночь с 7-го на 8-е прибыла вся армия. 9-го была закончена наводка моста. 7-го вечером генерал Лагарп, командуя гренадерами, расположил свою главную квартиру в Качина-Деметра, между Фомбио и р. По. Эта река у Пьяченцы имеет очень быстрое течение; ширина ее 250 туазов. Форсирование таких рек принадлежит к числу наиболее ответственных военных операций.

II

Австрийская дивизия Липтая, силою в восемь батальонов и восемь эскадронов, выйдя из Павии, прибыла ночью в Фомбио, находящееся в одном лье от Пьяченцы. 8-го в 1 час дня было замечено, что колокольни и дома селения забаррикадированы и заняты войсками и что на шоссе, пересекающем рисовые поля, расставлены пушки. Выбить противника из Фомбио становилось необходимо. К нему могли подойти большие подкрепления, и было бы слишком опасно вести бой, имея позади такую большую реку. Наполеон отдал распоряжения, которые диктовались характером местности. Ланн повел атаку на левый фланг, Ланюсс – на центр. Даллемань – на правый фланг. В течение часа селение было взято. Австрийская дивизия, которая его обороняла, была опрокинута, потеряла свои пушки, 2000 пленных и три знамени. Остатки ее бросились в Пиццигетоне и переправились через р. Адду. Крепость Пиццигетоне была вооружена только за несколько дней до этого. Она была еще так далека от театра военных действий и от всякой опасности, что противник о ней не беспокоился. Липтай все-таки успел развести подъемный мост и расставить на валу полевые пушки. Французский авангард остановился с наступлением ночи при Малео на расстоянии половины пушечного выстрела от Пиццигето-

не. Лагарп отошел назад, чтобы стать впереди Кодоньо, прикрывая дороги из Павии и из Лоди.

От захваченных пленных узнали, что Боле двигался со своей армией к Фомбио, чтобы встать позади этого пункта. Думали, что некоторые его части, не зная о событиях дня, придут на ночевку в Кодоньо. Об этом было сделано предупреждение. Отдав распоряжение о величайшей бдительности, главнокомандующий вернулся в Пьяченцу, в свою главную квартиру. В течение ночи Массена переправился через По и расположился в резерве у моста, чтобы поддержать в случае нужды Лагарпа.

Что предвидели, то и случилось. Движение войск из Тортоны в Пьяченцу, несмотря на его быстроту, не было столь тайным, чтобы можно было скрыть его от Боле. Он двинул свои войска для занятия местности между Тичино и Аддой, надеясь прибыть вовремя к Пьяченце, чтобы помешать переправе через реку. Он знал, что у французов совсем не было понтонного парка. Один из его кавалерийских полков, находившийся впереди колонны, появился у аванпостов генерала Лагарпа, двигавшегося по дороге на Павию, и вызвал тревогу. Французы на бивуаках взяли за оружие. После нескольких залпов все стихло. Однако Лагарп в сопровождении патруля и нескольких офицеров направился вперед, чтобы удостовериться, что произошло, и лично расспросить обитателей ближайших домов на дороге. Они ему сказали, что эту тревогу произвел кавалерийский полк, не знавший о пере-

праве французов через По и взявший затем влево, чтобы достигнуть Лоди. Лагарп поехал обратно, но вместо того, чтобы возвращаться по шоссе, по которому уехал на глазах у солдат, направился, к несчастью, по тропинке. Солдаты были начеку, встретили его беглым огнем. Лагарп упал замертво; он был убит собственными солдатами! По происхождению он был швейцарец из кантона Во. Подвергшись преследованиям за свою ненависть к бернскому правительству, он нашел убежище во Франции. Это был офицер выдающейся храбрости, гренадер ростом и духом; он умно руководил войсками и был ими очень любим, несмотря на беспокойный характер. Печальное событие стало известно в главной квартире в 4 часа утра. Немедленно в эту дивизию был выслан Бертье. Он застал войска в отчаянии.

III

Войдя во владения Пармы, Наполеон при переправе через Треббию принял послов герцога с просьбой о мире и покровительстве. Герцог Пармский не имел никакого политического значения: захватывать его владения не было никакой выгоды. Наполеон оставил его управлять герцогством, возложив на него в то же время и все те повинности, какие могла выполнить страна. Таким образом, французам достались все выгоды и они избавились от всех трудностей, связанных с управлением. Такое решение было самым простым

и самым разумным. Утром 9 мая в Пьяченце было подписано перемирие. Герцог уплачивал 2 миллиона деньгами, доставлял армии большое количество хлеба, овса и т. д., выставлял 1600 артиллерийских и кавалерийских лошадей и принимал на себя издержки по обслуживанию военных дорог, а также госпиталей, создаваемых в его владениях. Наполеон наложил контрибуцию предметами искусства для парижского музея – первый пример этого рода, встречаемый в новой истории. Парма дала 20 картин по выбору французских комиссаров. Среди них находился знаменитый «Св. Иероним». Герцог предлагал 2 миллиона, чтобы сохранить у себя эту картину, и уполномоченные армии очень склонялись к такой замене. Главнокомандующий же сказал, что от двух миллионов, которые ему дадут, не останется вскоре ничего, тогда как подобный шедевр украсит Париж на многие столетия и вызовет появление других шедевров.

Герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла были во владении дома Фарнезе. Елизавета, сестра Филиппа V, единственная наследница этого дома, передала герцогства Испании. Дон Карлос, ее сын, получил их во владение в 1714 г. Впоследствии, когда он занял неаполитанский престол, по Аахенскому договору 1748 г., эти области перешли к австрийскому дому и были отданы инфанту дону Филиппу. С 1762 г. ими владел его сын Фердинанд. Это был известный воспитанник Кондильяка, умерший в 1802 г. Он жил в замке Колорно, окруженный монахами, и тщательно выполнял рели-

гиозные обряды во всех мелочах.

IV

Армия реквизировала в городе Пьяченце 400 артиллерийских лошадей. 10-го она выступила из Казаль-Пустерленго на Лоди, где Болье сосредоточил дивизии Себоттендорфа и Розельмини, а Колли и Вукассовича направил на Милан и Кассано. Судьба этих войск зависела теперь от быстроты движения. Можно было отрезать их от Олио и взять в плен, но в одном лье от Казалья французский авангард обнаружил сильный австрийский арьергард из гренадер, выгодно расположившийся для обороны лодийского шоссе. Пришлось прибегнуть к маневрированию. Оно велось со всем пылом и вместе с тем упорством, которых требовали обстоятельства. Наконец, в ряды противника было внесено смятение. Он был преследуем по пятам до Лоди. Эта крепость была обнесена стенами. Неприятель попытался запереть ворота, но французские солдаты проникли туда вперемежку с беглецами, которые собрались потом за линией обороны, созданной Болье на левом берегу Адды. Болье выставил 25–30 пушек для обороны моста, но французы немедленно противопоставили ему столько же.

В австрийской линии было 12 000 пехотинцев и 4000 кавалеристов. Вместе с 10 000 человек, отступавшими на Кассано, с 8000 человек, которые были разбиты в районе Фом-

био, после чего остатки их укрывались в Пиццигетоне, и с 2000 человек гарнизона миланского замка это давало 35–36 тысяч человек. Вот все, что уцелело от армии.

Масштабъ

10 0 10 20 вер.

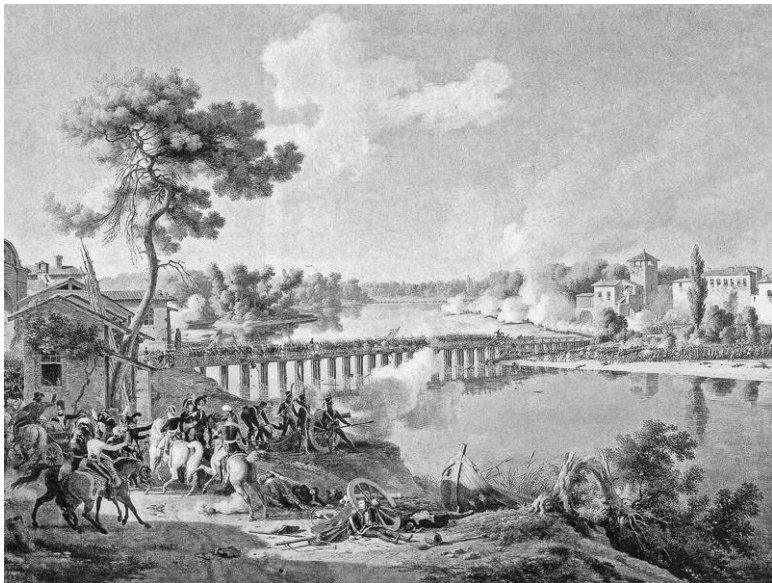
Сраженіе на р. Ада (15—17 апр. 1799 г.).

Сражение на реке Адде 15–17 апреля 1799 г. Из «Военной энциклопедии» (СПб., 1911–1915)

Наполеон в надежде отрезать дивизию, двигавшуюся на Кассано, решил перейти через р. Адда по мосту в тот же самый день под огнем противника и изумить его такой смелой операцией. С этой целью после нескольких часов отдыха в Лоди, около пяти часов вечера, он приказал генералу Бомону, командующему кавалерией, переправиться через Адду в полулье вверх по течению, где находился брод. После перехода на тот берег он должен был начать орудийную перестрелку с легкой батареей на правом фланге противника. В то же время у моста и по краю правого берега он выставил всю артиллерию армии, нацелив ее на орудия противника, державшие под обстрелом мост. Позади городского вала на берегу Адды он поставил колонну гренадер так, что она находилась ближе к вражеским батареям, чем даже линия австрийской пехоты, которая отдалась от реки, чтобы воспользоваться складками местности, частично предохранявшими ее от ядер французских батарей. Как только Наполеон заметил, что огонь противника ослабел, а авангард французской кавалерии начал выстраиваться на левом берегу и этот маневр вызвал у противника некоторое беспокойство, он приказал атаковать. Голова колонны гренадер простым полуоборотом налево очутилась на мосту, беглым шагом в несколько секунд перешла через него и немедленно овладе-

ла неприятельскими пушками. Колонна подверглась обстрелу противника только в момент, когда перестраивалась для прохождения через мост. Она не понесла чувствительных потерь, потому что в одно мгновение проскочила на другой берег. Она обрушилась на линию противника и заставила его отступить на Кремону в величайшем беспорядке, с потерей артиллерии, большого количества знамен и 2500 пленных. Эта столь энергичная операция, проведенная под убийственным огнем, но со всей допустимой осторожностью, считается военными одной из самых блестящих за все время войны. Французы потеряли не больше 200 человек, а противник был разгромлен.

Но Колли и Вукассович переправились через Адду у Касано и отходили по шоссе в Брешиа; это и заставило французов двинуться на Пиццигетоне. Они считали нужным преследовать и немедленно выгнать оттуда противника, чтобы не дать ему времени вооружить эту крепость и снабдить ее припасами. Как только ее окружили, она сдалась. В ней было 300 человек, которыми противник пожертвовал, чтобы обеспечить свой отход.

Генерал Бонапарт отдает приказы в битве при Лоди. *Художник Л.-Ф. Лежен*

Наполеон, делая ночной обход, встретился с биваком пленных, где был один болтливый старый венгерский офицер. Наполеон спросил его, как шли у них дела. Старый капитан не мог не признаться, что все шло очень плохо. «Но, — прибавил он, — здесь нет возможности что-либо понять; мы имеем дело с молодым генералом, который всегда то перед нами, то в нашем тылу, то на нашем фланге. Никогда не знаешь, как расположить свои силы. Такой способ действий на

войне невыносим и противоречит всем правилам».

Французская легкая кавалерия вошла в Кремону после лихой атаки и преследовала австрийский арьергард до Олио.

V

Ни одна французская часть еще не вошла в Милан, хотя эта столица уже оказалась в тылу армии, аванпосты которой находились в Кремоне, и отстояла на несколько переходов от линии фронта. Австрийские правительственные учреждения были эвакуированы в Мантую. Город охранялся национальной гвардией. Муниципалитет и сословия Ломбардии прислали в Лоди депутацию, во главе которой стоял Мельци. Эта депутация торжественно заявила о своем подчинении и просила победителя о милосердии.

15 мая победитель въехал в Милан через триумфальную арку среди народа и национальной гвардии города, одетой в трехцветные, зелено-красно-белые мундиры. Начальником ее был избран герцог Сербеллони.

Ожеро отошел, чтобы занять Павию, Серюрье – Лоди и Кремону, дивизия Лагарпа – Комо, Кассано, Лукко и Пиццигетоне. Легкие войска расположились на р. Олио. В Лоди, Кассано, Лукко и Пиццигетоне были построены предмостные укрепления, их вооружили и снабдили припасами.

В Милане Наполеон отдал приказ:

«Солдаты, вы устремились с высоты Апеннин, как горный

поток. Вы опрокинули и рассеяли все, что противостояло вашему движению.

Пьемонт, освобожденный от австрийской тирании, отдался естественным чувствам мира и дружбы с Францией.

Милан ваш, и республиканский флаг развевается над всей Ломбардией.

Герцоги пармский и моденский обязаны своим политическим существованием только вашему великодушию.

Армия, тщеславно угрожавшая вам, не находит больше барьера, за которым она могла бы укрыться от вашей храбрости. По, Тичино, Адда не задержали вас ни на один день. Эти хваленые оплоты Италии оказались недостаточно сильными; вы их так же быстро преодолели, как и Апеннины.

Столько успехов преисполнили радостью родину. Ваши представители установили праздник в честь ваших побед, который отмечается во всех общинах республики. Ваши отцы, ваши матери, ваши жены, ваши сестры, ваши возлюбленные радуются вашим успехам и гордятся тем, что они вам близки.

Да, солдаты, вы много сделали... Но значит ли это, что больше уже нечего делать?.. Не скажут ли о нас, что мы сумели победить, но не сумели воспользоваться победой? Не упрекнет ли нас потомство, что в Ломбардии мы нашли Капую? Но я уже вижу, как вы хватаетесь за оружие. Отдых трусов вас тяготит. Дни, потерянные для славы, потеряны и для вашего счастья. Итак, двинемся вперед, нам еще пред-

стоят форсированные марши, остаются враги, которых надо победить, лавры, которыми нам надо покрыть себя, оскорбления, за которые надо отомстить.

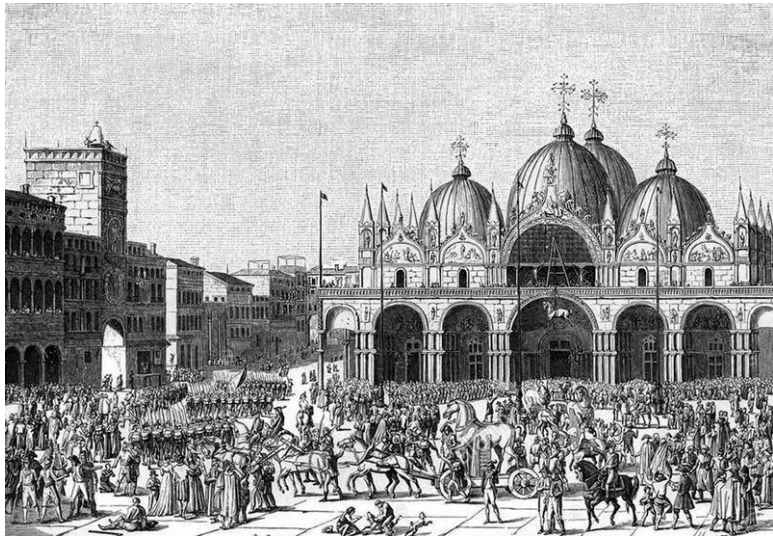
Пусть трепещут те, кто наточил кинжалы гражданской войны во Франции, кто подло умертвил наших посланников и сжигал наши суда в Тулоне: час отмщения настал!

Но пусть не беспокоятся народы. Мы – друзья всем народам и особенно верные друзья потомкам Брутов, Сципионов и великих людей, которых мы принимаем за образец. Восстановить Капитолий, водрузить там с почетом статуи героев, сделавших его знаменитым, пробудить римский народ, усыпленный несколькими веками рабства, – таковы будут плоды наших побед. Они создадут эпоху в истории. Вам будет принадлежать бессмертная слава за то, что вы изменили лик самой прекрасной части Европы.

Французский народ, свободный, уважаемый всем светом, даст Европе славный мир, который возместит ему жертвы, приносимые в течение шести лет. Вы вернетесь тогда к своим очагам, и ваши сограждане будут говорить, указывая на вас: «Он был в Итальянской армии!»

Армия использовала шесть дней отдыха для улучшения материальной части. Не щадили никаких усилий для пополнения артиллерийского парка. Пьемонт и Парма доставляли многое, но еще больше ресурсов оказалось в Ломбардии. Это позволило выплатить жалованье, удовлетворить все нужды и сделать снабжение более регулярным.

Милан расположен среди одной из богатейших равнин мира – между Альпами и реками По и Адда. Его население равнялось 120 000 человек. Крепостная стена была окружностью в 10 000 туазов. В нем имелось десять ворот, 140 мужских и женских монастырей, 100 братств. Посредством канала Равильо он связан с реками Тичино и Адда. Их воды поступают в Милан при помощи шлюзов. Другой канал был сооружен во времена Итальянского королевства для соединения Милана с Павией, установления прямого сообщения с р. По и чтобы способствовать сообщениям с Генуей. Транспорт с генуэзскими товарами гужом следовал до Камбио на р. По, где товары грузились на суда и спускались по этой реке и через нижнее Тичино прибывали в Павию, где перегружались для Милана. Посредством нового канала товары продолжали идти водой до Милана и оттуда отправлялись дальше по Адде.

Вступление французов в Милан 15 мая 1796 г. *Гравюра Ж. Дюплесси-Берто с картины О. Верне*

Милан был основан галлами в 580 г. до нашей эры. Этот город подвергался 40 раз осаде, 20 раз его брали с боя. Четыре раза он целиком был разрушен. Его цитадель построена на развалинах дворца Висконти.

Милан был столицей австрийской Ломбардии, разделявшейся на семь провинций: Милан, Павия, Варезе, Комо, Лоди, Кремона и Мантуя. Ломбардия имела особые привилегии. Австрийский император назначал сюда в качестве генерал-губернатора принца крови и высшее управление вве-

рял своему первому министру. Ломбардия имела сословное представительство из депутатов, избравшихся от семи провинций. Это учреждение часто было в оппозиции к генерал-губернатору и австрийскому министру. Граф Мельци был среди этих депутатов самым влиятельным по своему образованию, патриотизму и честности. Впоследствии он стал президентом Итальянской республики и канцлером Итальянского королевства. Он был исполнен любви к своей стране и безраздельно предан идее независимости Италии. В Милане его род считался богатым и благородным. Цвета зеленый, белый и красный сделались национальными цветами свободной Италии. Национальная гвардия формировалась во всех городах. Сербеллони, первый командир миланской национальной гвардии, пользовался большой популярностью и обладал большим состоянием. Впоследствии он стал очень известным в Париже, где долго жил в качестве посла Цизальпинской республики.

В Милане, как и во всех больших городах Италии, а пожалуй, и во всех больших городах Европы, французская революция возбудила сначала величайший энтузиазм, навстречу ей раскрылись все сердца. Спустя некоторое время ужасы террора изменили эти настроения. Однако идеи революции все еще находили в Милане многих горячих приверженцев. Народ привлекала идея равенства. Австрийцы, несмотря на свое долгое господство, не внушали к себе привязанности в этом народе, если не считать нескольких знатных семейств.

Их не любили за угрюмость и грубость. Генерал-губернатор эрцгерцог Фердинанд не был ни любим, ни уважаем, его обвиняли в пристрастии к деньгам, в поощрении хищений, в спекуляции зерном и в других подобных прегрешениях, которые всегда влекут за собой непопулярность. Он был женат на принцессе Беатриче Эсте, дочери и наследнице царствовавшего тогда герцога моденского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.